

Архимандритъ Петръ и десятая миссія.

Архимандритъ Петръ, въ мѣрѣ Павелъ Ивановичъ Каменскій, былъ сынъ священника Нижегородской епархіи, родился въ 1765 г. По окончаніи курса въ Нижегородской духовной семинаріи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ логику, математику, всеобщую исторію и право. Поступивъ затѣмъ на службу въ Петербургскій воспитательный домъ, онъ преподавалъ тамъ ариѳметику и правила гражданской жизни. Въ то время (1793 г.) формировалась восьмая миссія подъ начальствомъ архимандрита Софронія Каменскій, желая принять участіе въ ней, поступилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ ученикомъ маньчжурскаго и китайскаго языковъ и отправился съ миссіей въ Пекинъ, гдѣ и пробылъ до 1808 г.. Въ это время онъ изучалъ языкъ и нравы китайцевъ, служа нерѣдко переводчикомъ съ латинскаго языка, который онъ зналъ въ совершенствѣ, бумагъ, получаемыхъ въ китайскомъ трибуналѣ внѣшнихъ сношеній изъ Европы. Въ Пекинѣ въ 1795 г. имъ положено основаніе бібліотеки при мисіи, которую онъ сдѣлалъ какъ нѣжное дитя». По возвращеніи въ Россію Каменскій опредѣленъ переводчикомъ маньчжурскаго и китайскаго языковъ при второмъ департаментѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и служилъ около двѣнадцати лѣтъ, восходя по лѣстницѣ чиновной іерархіи. Въ то же время, продолжая интересоваться науками, Каменскій соотрялъ членомъ Петербургской академіи наукъ, членомъ корресподентомъ Парижскаго азіатскаго общества, Капенгагенскаго сѣверныхъ антикваріевъ, Вольнаго общества любителей наукъ и художествъ, наконецъ былъ избранъ директоромъ русскаго Библейскаго общества.

Когда русское правительство, недовольное поведеніемъ начальника и членовъ девятой миссіи, искало исхода для избѣжанія подобныхъ ошибокъ въ будущемъ, Каменскому было поручено составить проэктъ предположеній и инструкцію для десятой миссіи. Будучи хорошо знакомъ со всѣми обстоятельствами службы нашихъ миссіонеровъ, Каменскій задался мыслию сколько возможно улучшить обстановку дѣятельности ихъ. По инструкціи, составленной имъ и удостоившейся Высочайшаго утвержденія 4 августа 1818 г., во-первыхъ жалованье и содер-

жаніе миссіи вмѣсто 6500 руб. увеличено до 16.250 р. (см. прил.), во-вторыхъ годовое жалованье членамъ миссіи, обладающимъ научнымъ цензомъ, по возвращеніи ихъ въ Россію, обращалось имъ въ пенсію. Начальнику миссіи по окончаніи срока и возвращеніи въ отечество обѣщанъ санъ епископа. Іеромонахи съ самаго поступленія въ миссію награждались золотыми наперсными крестами изъ Кабинета Его Величества, а по возвращеніи изъ Пекина, могли быть производимы въ архимандриты монастырей. Свѣтскіе же студенты, со времени поступленія своего въ миссію, должны быть награждаемы чинами, а по возвращеніи въ отечество, за труды и выполненіе своихъ обязанностей, должны быть повышены въ чинахъ и награждены орденами, съ причисленіемъ на службу министерства Иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ переводчиковъ. Въ 3-хъ были точно опредѣлены предметы занятій для каждаго изъ членовъ миссіи, какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ, сообразно полученному въ Россіи образованію. Веѣмъ же вообще членамъ вмѣнено въ обязанность обучаться—духовнымъ китайскому языку, а студентамъ сверхъ того, маньчжурскому и монгольскому. Въ 4-хъ Совѣтъ, учрежденный при миссіи, подъ предѣлательствомъ начальника состоялъ изъ двухъ іеромонаховъ, лѣкаря, одного студента и секретаря изъ студентовъ. Совѣтъ заботился о внутреннемъ и виѣшнемъ благосостояніи миссіи: а, надзиралъ за поведеніемъ и занятіями членовъ миссіи, б, указывалъ мѣры къ поощренію и взысканію за проступки, в, внушалъ осторожно и благоразумно обращаться съ китайцами, г, надзиралъ за сохраненіемъ церковнаго имущества и казны, отпускаемой на содержаніе миссіи, наконецъ д, заботился о поддержаніи православной вѣры среди албазинцевъ и приобрѣтеніи новыхъ чадъ церкви христовой изъ првродныхъ китайцевъ.

Для выполненія всѣхъ этихъ предписаній инструкціи не находилось болѣе способнаго человека какъ самъ Каменскій. Ему предложено принять начальство надъ десятой миссіей и озаботиться приисканіемъ способныхъ лицъ для пополненія ея состава. Принявъ предложеніе, коллежскій ассессоръ Павелъ Ивановичъ былъ постриженъ 6-го мая 1819 г. въ монашество съ именемъ Петра въ Александро-Невской лаврѣ отъ руки самого митрополита Петербургскаго Михаила. Черезъ шесть

дней посвященъ въ санъ іеродіакона, затѣмъ во іеромонаха, а 30 мая возведенъ уже въ санъ архимандрита, при чемъ ему, какъ начальнику миссіи, пожалована панагія первокласснаго монастыря и митра, шитая золотомъ по красному бархату, украшенная драгоценными камнями. Въ день ангела, 29-го іюня, архимандритъ Петръ былъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-ой степени, пожалованъ бриллиантовымъ наперснымъ крестомъ и пожизненной пенсіей въ тысячу рублей въ добавокъ къ прежде получаемой въ 600 руб.

Выборъ всего состава миссіи оказался какъ нельзя быть болѣе удачнымъ. Помощникомъ начальника избранъ студентъ Петербургской духовной академіи въ санѣ іеромонаха Веніаминъ (Марочевичъ), казначеемъ миссіи—іеромонахъ Даниилъ (Сивилловъ) изъ философскаго класса Александро-Невской духовной семинаріи. Въ качествѣ іеродіакона взятъ былъ одинъ изъ послушниковъ Невской лавры Иванъ Веретениковъ, въ монашествѣ названный Израилемъ. Другой послушникъ той же лавры Алексѣй Исааковичъ Сосницкій, поступилъ въ званіи причетника. Другой причетникъ Николай Ивановъ Вознесенскій былъ изъ учениковъ Петропавловскаго духовнаго училища. Онъ поступилъ въ миссію старшимъ причетникомъ на правахъ студента. Изъ медико-хирургической академіи, окончившій курсъ лѣкаремъ, въ чинѣ девятаго класса, Іосифъ Михайловичъ Войцеховскій, назначенъ былъ врачомъ миссіи. Изъ той же академіи, въ чинѣ двѣнадцатаго класса, поступилъ студентъ Василій Кирилловичъ Абрамовичъ. Изъ Петербургской же духовной академіи былъ утвержденъ въ званіи студента и въ чинѣ двѣнадцатаго класса Кодрагъ Григорьевичъ Крымскій. Наконецъ изъ Петербургскаго педагогическаго института, въ чинѣ двѣнадцатаго класса, Захаръ Петровичъ Леонтьевскій занялъ четвертую вакансію студента миссіи. Только іеродіаконъ Израиль и студентъ Абрамовичъ не выжили всего десятилѣтняго «термина» пребыванія въ Пекинѣ.

Когда все сборы были окончены, часть лицъ изъ состава миссіи выѣхала изъ Петербурга въ началѣ декабря, намѣреваясь свидѣться и проститься съ родными, а начальникъ съ остальными членами выѣхалъ 28-го декабря 1819 г. Предъ отъѣздомъ онъ удостоился Высочайшаго рескрипта и былъ

принять въ Высочайшей аудіэнціи. Въ Казани всѣ члены съѣхались вмѣстѣ и миссія уже въ полномъ составѣ продолжала путь до Иркутска, куда прибыла 20 февраля 1820 г. Въ Иркутскѣ сибирскій генераль-губернаторъ М. М. Сперанскій принялъ миссію весьма радушно и въ знакъ особаго благоволенія къ ней подарилъ начальнику ея, архимандриту Петру, свой переводъ книги Ѳомы Кемпійскаго «Подражаніе Христу» съ латинскимъ подлинникомъ самого лучшаго изданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ архимандриту Петру подвести китайскій, маньчжурскій и русскій переводы къ лексикону Савь-хэ-бань-бань, составленному на монгольскомъ языкѣ переводчикомъ восьмой миссіи Василюемъ Новоселовымъ. Изъ Иркутска миссія направилась въ Кяхту и 1-го іюля увидѣла синѣющіе хребты монгольскихъ горъ. Въ Кяхтѣ она прсбыла два мѣсяца въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему пути чрезъ Монголію. О предстоящемъ слѣдованіи миссіи сибирскій генераль-губернаторъ еще въ маѣ мѣсяцѣ далъ знать китайскимъ правителямъ въ Ургѣ. Приставомъ миссіи былъ назначенъ одинъ изъ чиновниковъ министерства Иностранныхъ дѣлъ коллежскій ассессоръ Е. Ѳ. Тимковскій, въ должности обознаго Е. И. Разгильдѣевъ, переводчикомъ монгольскаго и маньчжурскаго языковъ А. П. Фроловъ, старшиною А. И. Разгильдѣевъ и при немъ команда въ 29 сибирскихъ казаковъ. На переѣздѣ миссіи сдѣланы были въ Иркутскѣ десять крытыхъ повозокъ съ упряжью на три лошади въ каждую. Для доставленія тяжестей отъ Кяхты до Калгана и обратно было заготовлено 85 верблюдовъ. Часть ихъ была куплена, а прочіе пожертвованы бурятами. Подъ вьюками вышло 31 августа за границу 64 верблюда, остальные взяты были въ запасъ. Бурятами же добровольно, безъ всякой платы, было выставлено 150 лошадей и подарено 28 быковъ на пищу. Сверхъ того для перевозки ломкихъ вещей, принадлежащихъ членамъ миссіи, было отпущено шесть одноколокъ. По пути приставомъ миссіи роздано было немало подарковъ разнымъ китайскимъ и монгольскимъ вожатымъ—водки, сукна, табакерокъ, медальоновъ, подвосовъ, ложекъ, ножницъ, ножей и вилокъ, расшитыхъ сапоговъ, помады, духовъ и т. п. Дорогой случился падежъ скота и въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ члены миссіи потерпѣли немало отъ сырости и холода, такъ что по прибытіи въ Калганъ имѣли нужду въ нѣкоторомъ отдыхѣ. Часть обоза

была оставлена у цахарскаго Байнъ-цагана до обратнаго пути. Перваго декабря въ пекинскомъ предместьи миссію встрѣтили два студента прежней миссіи Сипаковъ и Зимайловъ. Они привезли съ собою четыре лучшихъ китайскихъ телѣги, на которыхъ новая миссія должна была въѣхать въ Пекинъ, а для пристава верховую лошадь. Поклонившись праху соотечественниковъ на русскомъ кладбищѣ близъ Аньдинмыньскихъ воротъ, новая миссія этими воротами вступила въ Пекинъ и въ церемоніальномъ порядкѣ проѣхала по главной Сыпайловой улицѣ. У воротъ Срѣтенскаго монастыря миссію встрѣтили іеромонахи Серафимъ и Аркадій съ псаломщикомъ Яфицкимъ, а въ настоятельскихъ покояхъ и самъ начальникъ старой миссіи архимандритъ Іакинѣ. Путешественники размѣстились въ разныхъ китайскихъ одноэтажныхъ домикахъ русскаго подворья со слюдяными окнами, съ простой полугерманской, полукитайской обстановкой, съ топкой извнѣ нагрѣвавшей свизу каменный полъ.

На второй день совершенно благодарственное къ Богу моленіе въ Срѣтенскомъ храмѣ. Затѣмъ прибывшіе стали обмѣниваться своими мыслями съ старожилами, началось приготовленіе сложныхъ китайскихъ костюмовъ или обмѣнъ ихъ на европейское платье прибывшихъ. Начались церемоніальные приемы китайскихъ чиновниковъ, обмѣнъ подарками съ ними, обмѣнъ официальными бумагами, торжественные выѣзды изъ посольскаго двора для осмотра города, визиты католическимъ миссіонерамъ и приемъ ихъ. Приемъ имущества, ризницы церковной, земель и домовъ, принадлежащихъ миссіи. Наконецъ члены старой миссіи передали въ бібліотеку миссіи свои книги, которыя не нашли нужнымъ брать съ собою. Съ 10 мая 1821 г. члены старой миссіи стали укладываться въ дорогу, а 15-го мая послѣ божественной литургіи, совершенной соборнѣ архимандритомъ Петромъ, былъ наутренний молебенъ, а послѣ общаго стола, во второмъ часу дня, начали отправляться въ путь. Сперва выступилъ обозъ миссіи на 30 верблюдахъ и пяти телѣгахъ, въ сопровожденіи пяти казаковъ. Черезъ часъ отправилась и миссія въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхалъ казачій старшина, за нимъ девять казаковъ по три въ рядъ; потомъ въ носилкахъ — начальникъ прежней миссіи архимандритъ Іакинѣ, также іеромонахи Серафимъ и Аркадій. У каждаго носилокъ ѣхалъ вер-

ховой казакъ. За ними казачій сотникъ, потомъ приставъ миссіи съ обозомъ, переводчикомъ, студентами Сяпаковымъ, Зимайловымъ и церковникомъ Яфицкимъ. Шествіе заключали два казачьихъ урядника. Исключая трехъ духовныхъ особъ, несомыхъ въ носилкахъ, всѣ прочіе ѣхали верхомъ, въ парадной одеждѣ. Сзади слѣдовали въ китайскихъ телѣгахъ архимандритъ Петръ и всѣ члены новой миссіи. Любопытные изъ китайцевъ и маньчжуръ въ большомъ числѣ собрались на русское подворье и провожали русскихъ до Ань-динъ-мынь-скихъ воротъ, а нѣкоторые даже до русскаго кладбища. День былъ знойный. Пекинская полиція, по приказанію начальства, поливала улицы водой и провожала ѣхавшихъ отъ квартала до квартала для удержанія черни въ порядкѣ. За городомъ у русскаго кладбища шествіе остановилось. Здѣсь, вблизи дорогихъ могилъ, отъѣзжающіе простились со всѣми членами миссіи, оставшейся въ Пекинѣ.

Отдавшись всецѣло благоустроенію миссіи, архимандритъ Петръ показалъ себя примѣрнымъ по жизни монахомъ, достойнымъ пастыремъ, искуснымъ политикомъ и ревностнымъ ученымъ. Постоянной его заботой было стремленіе поддерживать добрыя отношенія съ чиновниками, среди которыхъ онъ имѣлъ немало друзей. Буддійскій верховный жрецъ хутухта нерѣдко бывалъ у него, тому же примѣру слѣдовали и многочисленные даламы и хубилганы. Миссія могла похвалиться обширнымъ знакомствомъ вліятельныхъ лицъ въ государствѣ. Внутреннее благоустройство миссіи архимандритъ Петръ началъ съ малаго стада православныхъ албазинцевъ, сильно окитаевшихся и охладѣвшихъ къ православію. Своею проповѣдью въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ, архимандритъ Петръ убѣждалъ ихъ оставлять растлѣнные обычаи язычества и прилѣпляться всей душой къ родному православію, почитая иконы. Онъ постоянно поддерживалъ ихъ своимъ ласковымъ обращеніемъ, домашними совѣтами и особенно широкою благотворительностью. Его примѣру слѣдовалъ іеромонахъ Веніаминъ. Онъ поселился на сѣверномъ подворьѣ, въ Русской ротѣ, близъ Успенской церкви, которую албазинцы стали посѣщать, а онъ старался бесѣдовать съ ними и добился того, что проповѣдывалъ имъ слово Божіе на китайскомъ языкѣ. Попеченіемъ о. Петра въ Русской сотнѣ было открыто училище и при немъ пансіонъ

для десяти албазинскихъ дѣтей, готовившихся со временемъ стать проповѣдниками среди своихъ сородичей. Дѣти получали поощреніе деньгами по 3 р. въ мѣсяць на мальчика. Взрослые албазинцы, прежде отпавшіе, опять возвращались въ лоно Церкви и ихъ присоединено 53 человекъ. Изъ китайцевъ крещено было въ разное время 16 человекъ. Правительство на это смотрѣло благосклонно, хотя въ то же время римскіе проповѣдники были изгоняемы вонъ и было опасеніе за возможность общаго гоненія на христіанъ. Въ то время какъ великолѣпные храмы католиковъ были повсюду разрушаемы, архимандритъ Петръ старательно поддерживалъ существующія русскія церкви. Такъ Срѣтенская церковь была въ 1826 г. благолѣпно поновлена: въ ней установленъ новый иконостасъ академической работы, стоившій 6500 р., а на стѣнахъ повѣшены четыре историческія картины, работы профессора Петербургской академіи художествъ Андрея Иванова, стоившія 8000 р., которыя сохраняются тамъ и доселѣ. Кровля церкви вновь перекрыта черепицею, сдѣланъ мѣдный вызолоченный куполь. Въ слѣдующемъ году заново перестроена и освящена Успенская церковь. Мѣсто вокругъ церкви увеличено и ограждено крѣпкой стѣною. Въ ожиданіи пріѣзда новой миссіи уже къ концу десятилѣтія дворъ при Срѣтенской церкви увеличенъ на сорокъ квадратныхъ сажень и перестроены фанцзы, а на ряду съ ними, дальше отъ церкви, построенъ новый домъ для помѣщенія пріѣзжающихъ членовъ миссіи.

Занимаясь своими обязанностями съ успѣхомъ, всѣ члены миссіи, начиная съ начальника и кончая причетникомъ, трудились на научномъ поприщѣ. Такъ архимандритъ Петръ подвелъ китайскій, маньчжурскій и русскій переводы къ лексикону Сань-хэ-бань-бань, подобранному по монгольскому алфавиту; списалъ китайскій синонимическій лексиконъ латинскаго алфавита, перевелъ съ китайскаго на русскій языкъ книгу Ши-и, т. е. «Непреложная Истина»; составилъ два лексикона, одинъ по русскому алфавиту, а другой по монгольскому, а также и «Записку объ Албазинцахъ». Иеромонахъ Веніаминъ, кромѣ постоянныхъ занятій съ оглашаемыми, которыхъ крещено имъ всего около ста человекъ, занимался истолкованіемъ катихизиса и другихъ священныхъ книгъ и былъ избранъ преподавателемъ русскаго

языка въ маньчжурской школѣ, открытой при китайскомъ Трибуналѣ виѣшнихъ сношеній. Иеромонахъ Даніиль перевелъ съ русскаго на китайскій языкъ: утреннія молитвы, зеркало исповѣданія вѣры Димитрія Ростовскаго, молитвы, читаемыя за литургіей, стоглавникъ св. Геннадія и приготовлялъ къ изданію китайскую христоматию, а также дѣлалъ наброски по описанію Пекинскаго Срѣтенскаго монастыря. Студентъ Козрачь Крымскій готовилъ къ печати «Обозрѣніе китайской философіи». Студентъ Леонтьевскій занимался переводомъ на китайскій языкъ «Исторіи государства Россійскаго» — Карамзина, а также переводомъ на русскій языкъ словаря Канъ-си, хотя не окончилъ. Причетникъ Н. И. Вознесенскій написалъ «Замѣчанія о Китаѣ» и составилъ китайско-маньчжурскій лексиконъ. Врачъ Войцеховскій имѣлъ большую практику, былъ извѣстенъ при Дворѣ, изучалъ китайскій языкъ, философію и медицину. Занимался ботаникой и естественной исторіей. Составлялъ словарь въ 12 томахъ.

По требованію Азіатскаго департамента миссія доставляла свѣдѣнія по сельскому хозяйству, о посѣвѣ хлѣбовъ и травъ, разведенію огородовъ, доставляла сѣмена лѣкарственныхъ растений и цвѣтовъ, луковицы и описанія разведенія ихъ. Доставляла свѣдѣнія о кустарномъ и заводскомъ производствѣ, ткацкихъ станкахъ, обработкѣ шелка, окраскѣ тканей; доставляла географическія карты и планы, а также и доносенія о выдающихся событіяхъ въ странѣ, голодѣ, бунтахъ, повѣтріяхъ. Часто къ такимъ доносеніямъ присоединялся отзывъ о состояніи миссии и работѣ ея членовъ, всегда похвальный и искренній, что правилось въ Петербургѣ.

Во исполненіе Высочайше утвержденной инструкціи, архимандритъ Петръ долгомъ считалъ отыскивать и пріобрѣтать на казенный счетъ (ассигновано было въ годъ по 500 руб.) полезнѣйшія книги въ Китаѣ для библіотеки Азіатскаго департамента иностранныхъ дѣлъ, а предвидя скорое паденіе римскаго мисіонерства въ Китаѣ, послѣ чего ни одной книги получить было бы уже не откуда, онъ, не щадя средствъ, старался собрать, сколько было возможно, священныхъ христіанскихъ книгъ переведенныхъ съ европейскихъ на китайскій, маньчжурскій и монгольскій языки, а частью и на китайскомъ языкѣ сочиненныхъ христіанами, съ посвященіемъ большей половины ихъ въ Рос

сійскую Императорскую Пекинскую бібліотеку. Такъ образовалась прекрасная и рѣдкая коллекція книгъ по Священному Писанію. Библіотека эта, постоянно пополняясь новыми трудами, просуществовала до 1900 г., когда была уничтожена огнемъ въ боксерское возстаніе.

По окончаніи десятилѣтняго срока пребыванія миссіи, архимандритъ Петръ указалъ на іеромонаха Веніамина, какъ на достойнаго пріемника себѣ, который согласился остаться въ Пекинѣ начальникомъ одиннадцатой миссіи. Члены новой миссіи прибыли въ Пекинъ 18 ноября 1830 г., а 6 іюля 1831 г. архимандритъ Петръ выѣхалъ изъ Пекина, напутствуемый благопожеланіями своихъ чадъ и хорошихъ знакомыхъ, которые писали ему въ Россію, выражая надежду опять быть въ общеніи съ нимъ. Хутухта послалъ ему прощальное письмо, когда миссія была уже въ пути по Монголіи. Онъ просилъ купить ему въ Кяхтѣ русскій экипажъ и переслать въ Пекинъ черезъ Ургинскаго гэгена. О семимѣсячномъ пребываніи въ Пекинѣ обѣихъ миссій приставомъ, подполковникомъ генеральнаго штаба М. В. Ладыженскимъ составленъ подробный «Дневникъ, веденный съ декабря 1830 г.». Въ выдержкахъ Дневникъ этотъ помѣщенъ впоследствии въ органѣ миссіи «Китайскомъ Благовѣстникѣ».

По прибытіи въ Петербургъ, въ ноябрѣ 1831 г., архимандритъ Петръ и его сотрудники, были снисканы вниманіемъ и признательностью правительства. Архимандритъ Петръ лично представлялся Государю, ему пожалована была доселѣ небывалая для архимандрита награда, орденъ св. Анны 1-ой степени. Іеромонахъ Даніиль возведенъ въ санъ архимандрита и сдѣланъ настоятелемъ Московскаго Златоустовскаго монастыря; съ 1837 г. онъ перѣшелъ въ Казанскій Предтеченскій монастырь и занялъ, съ званіемъ профессора, кафедру китайскаго языка при Казанскомъ университетѣ и въ Первой гимназіи. По предмету своихъ чтеній о. Даніиль издалъ китайскую хрестоматію и переводъ съ китайскаго на русскій языкъ философской классической книги Сы-шу т. е. драгоценное зеркало для просвѣщенія ума, а также Исторію Китайской имперіи въ 2 томахъ и описаніе Раифской пустыни. Въ 50 годахъ арх. Даніиль служилъ въ Сибири настоятелемъ Троицкаго Селевгинскаго мона-

стыря, «Историческое описаніе» коего онъ составилъ, а въ 70 г. онъ былъ на покой въ Ростовскомъ (Ярославской губ.) Борисоглѣбскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался. Приставъ Ладыженскій произведенъ въ полковники, а впоследствии онъ былъ Тобольскимъ губернаторомъ. Лѣкаръ О. П. Войцеховскій сдѣланъ штабъ—лѣкаремъ, а послѣ былъ профессоромъ Казанскаго университета. К. Крымскій на пути въ Россію остался въ Кяхтѣ и по просьбѣ кяхтинскаго купечества занялъ должность преподавателя китайскаго языка во вновь открытомъ (въ 1831 г.) училищѣ, каковую должность и занималъ свыше тридцати лѣтъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1863 г. Леонтьевскій остался при Министерствѣ. Сосновскій впоследствии былъ лекторомъ китайскаго языка въ Казанскомъ университетѣ. Н. И. Вознесенскій былъ переводчикомъ при таможенѣ въ Кяхтѣ, гдѣ и умеръ.

Отказавшись отъ чести быть епископомъ въ Астрахани, архимандритъ Петръ пожелалъ удалиться на покой въ Городецкую Феодоровскую обитель Нижегородской епархіи. При выѣздѣ изъ Петербурга ему пришлось испытать небольшое огорченіе отъ клеветы въ департаментѣ на слабое будто-бы знаніе китайскаго языка его свѣтскими сотрудниками и какую-то заминку въ счетахъ. Все-же, прощаніе его съ Петербургомъ было сердечное. Черезъ годъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ ему брилліантовый перстень въ 3000 руб., которые онъ употребилъ на украшеніе обители. Двѣ свои пенсіи онъ завѣщалъ въ помощь роднымъ сестрамъ и сиротамъ на воспитаніе, а третью въ 2000 руб., самъ старался раздавать бѣднымъ. По прибытіи въ Феодоровскую обитель въ 1833 г., онъ пожертвовалъ 5000 руб. на ея благоустройство и многое сдѣлалъ для ея украшенія. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ обители, архимандритъ Петръ въ тиши уединенія, предавался чтенію книгъ и размышленію. Имъ оставлены дневныя записки, которыя послужили матеріаломъ при составленіи его біографіи. (См. Ап. Можаровскій. «Русская Старина» 1896 г. № 2-4.)

Архимандритъ Петръ скончался 17 мая 1845 г. и моги лаего находится за алтаремъ соборной монастырской церкви.

Одиннадцатая миссія.

Еще въ 1824 г. одинъ изъ членовъ десятой миссіи, іеромонахъ Веніаминъ, далъ согласіе остаться въ Пекинѣ на второе десятилѣтіе, и тогда же русское правительство было озабочено выборомъ и подготовкою членовъ для новой миссіи. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ графъ Несельроде въ письмѣ къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, князю Голицыну, подавалъ мысль о необходимости избирать въ число членовъ не менѣе десяти человекъ (пять духовныхъ и пять свѣтскихъ), и постепенно готовить ихъ къ предстоящей поѣздкѣ въ Китай, для чего признано было достаточнымъ, чтобы намѣченные лица собирались два раза въ недѣлю въ одно помѣщеніе, гдѣ бы знакомились между собою и слушали уроки китайскаго языка у, бывшихъ въ Китаѣ, чиновниковъ Азіатскаго департамента Сипакова, Липовцева и монаха Іакинѣа. Неизвѣстно была ли приведена въ исполненіе эта мѣра, но нѣкоторые изъ членовъ миссіи поступали въ составъ ея за годъ до отправления и были приписываемы къ министерству Иностранныхъ Дѣлъ. За годъ также были изготовлены требуемыя въ Китай богослужебныя книги въ количествѣ 34 и иконы писанныя на жести,—двунадесятые праздники и проч., всего 25 иконъ. По полученіи согласія китайскаго Трибунала, іеромонаху Веніамину 19 декабря 1829 г. преподано благословеніе отъ Святѣйшаго Синода исправлять должность начальника съ наименованіемъ «старшаго священника», съ правомъ при богослуженіи носить митру, наперсный архимандричій крестъ и палицу.

Іеромонахъ Веніаминъ (Морачевичъ)—сынъ священника Волынской епархіи; по окончаніи курса въ Волынской духовной семинаріи въ 1817 г., переведенъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ, не окончивъ курса, поступилъ въ 1819 г. въ число членовъ Россійской ИМПЕРАТОРСКОЙ Духовной Миссіи. 14 сентября того же года постриженъ въ монашество, въ Александро-Невской лаврѣ, 26-го рукоположенъ въ санъ іеродіакона, 28-го—въ санъ іеромонаха Митрополитомъ Михаиломъ. Въ 1820 г. на пути въ Китай въ Иркутскѣ награжденъ набедренникомъ, а по пріѣздѣ въ Пекинѣ назначенъ помощникомъ начальника миссіи; съ 1822 по 1831 г. управлялъ училищемъ алба-

зинскихъ дѣтей, а въ 1832 г. награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ. Съ осени 1825 г. состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Пекинскомъ Маньчжурскомъ училищѣ. Въ 1829 г. Высочайше утвержденъ въ должности начальника одиннадцатой миссіи, а въ 1830 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-ой степени. Въ 1831 г. по ходатайству китайскаго Трибунала награжденъ (Высочайшее утвержденіе 20 декабря 1830 г.) наперснымъ архимандричьимъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями и архимандричьею мантиею, стоившею 600 руб.,—укращенною вышитыми на скрижаляхъ ея изображеніями праздниковъ Срѣтенія Господня и Успенія Богоматери. Въ 1833 г. данъ ему орденъ св. Анны 2-ой степени съ короною.

Къ началу 1830 г. весь составъ новой миссіи былъ уже на лицо: два іеромонаха—Аввакумъ и Теофилактъ, одинъ іеродіаконъ Поликарпъ, причетникъ Розовъ, лекаръ Порфирій Евдокимовичъ Кирилловъ, три студента—Курляндцевъ, Сычевскій и Кованько, и живописецъ Легашевъ.

Іеромонахъ Аввакумъ (Честной)—сынъ священника Тверской епархіи; по окончаніи въ 1825 г. курса въ духовной семинаріи, переведенъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1829 г. съ званіемъ старшаго кандидата и въ томъ же году поступилъ въ число членовъ миссіи. Ноября 9-го въ академической церкви постриженъ въ монашество, а 20 ноября митрополитомъ Филаретомъ рукоположенъ въ санъ іеродіакона, а 21-го въ санъ іеромонаха. Въ 1830 г. возведенъ на степень магистра, получилъ дипломъ и магистерскій крестъ. По прибытіи въ Пекинъ занялъ должность помощника начальника миссіи. Съ 1831 г. служилъ въ Успенской церкви и управлялъ Албазинскимъ училищемъ, въ то же время изучалъ языки: китайскій, маньчжурскій, и отчасти тибетскій. Въ 1833 г. сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 4-ой степени, а въ 1837 г. къ св. Анны 2-ой степени.

Іеромонахъ Теофилактъ (Киселевскій)—сынъ священника Полтавской епархіи; по окончаніи курса въ 1827 г. въ Воронежской семинаріи, переведенъ въ Петербургскую духовную академію и, не окончивъ курса, въ 1829 г. поступилъ въ число членовъ Пекинской миссіи. Ноября 9-го постриженъ въ монашество, 21-го рукоположенъ въ санъ іеродіакона, а 22-го во

іеромонаха. По прибытіи въ Пекинъ, занялъ должность казначея миссіи и по ноябрь 1835 г. служилъ въ Срѣтенской церкви, а затѣмъ въ Успенской. Изучалъ языки: китайскій и монгольскій, а также религію даосцевъ и буддизмъ. Въ 1833 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени, а въ 1837 г. орденомъ св. Владиміра 4-ой степени.

Іеродіаконъ Поликарпъ (Тугариновъ) изъ неокончившихъ курса Петербургской духовной академіи (См. о немъ въ Двѣнадцатой миссіи).

Псаломщикъ Григорій Михайловичъ Розовъ—сынъ причетника Новгородской епархіи, по окончаніи курса въ Новгородской духовной семинаріи въ 1829 г., вступилъ на вакансію псаломщика при Пекинской миссіи. По прибытіи въ Пекинъ былъ помощникомъ ризничаго и экономомъ Албазинской школы. Въ 1833 г. утвержденъ въ званіи студента миссіи въ чинѣ 12-го класса, а въ 1836 г. произведенъ въ чинѣ 10-го класса.

Лекарь Порфирій Евдокимовичъ Кирилловъ изъ окончившихъ курсъ медико-хирургической академіи, вступилъ въ число членовъ миссіи въ чинѣ 10 класса.

Алексѣй Ивановичъ Кованько—маркшейдеръ т. е. горный чиновникъ, поступилъ въ миссію изъ Уральскаго Гороблагодатьскаго завода.

Студентъ, Епифанъ Ивановичъ Сычевскій, родомъ изъ бурятъ, учился въ Иркутской гимназіи.

Живописецъ Антонъ Михайловичъ Легашевъ изъ Петербургской академіи художествъ, состоялъ въ чинѣ 12-го класса.

Миссію сопровождалъ въ качествѣ пристава подполковникъ генеральнаго штаба Михаилъ Васильевичъ Ладыженскій, а при немъ находились, посланные отъ академіи наукъ: ботаникъ Бунге, впоследствии извѣстный профессоръ Дерптскаго университета, математикъ Фуксъ, бывший послѣ астрономомъ на Пулковской обсерваторіи и магистръ Казанскаго университета Ковалевскій. Кромѣ того за границу до г. Урги съ миссіей путешествовалъ профессоръ Казанскаго университета по кафедрѣ монгольскаго языка А. В. Поповъ.

20-го января 1830 г. члены миссіи выѣхали изъ Петербурга. Въ Иркутскѣ какъ и по дорогѣ до Кяхты они занимались монгольскимъ языкомъ подъ руководствомъ Попова, Ковалев-

скаго и монаха Іакинѣа, прибывшаго одновременно съ миссіею въ Иркутскъ. Изъ Иркутска выѣзжали двумя партіями: одна черезъ озеро Байкаль, другая, въ составѣ Кириллова, Кованько, Курляндцева и Легашова, объѣхала по берегу Байкала. 30-го августа все выѣхали изъ Кяхты, 20-го сентября изъ Урги, а въ Пекинъ прибыли 18-го ноябра 1830 г.

Управленіе о. Веніамина не отличалось спокойствіемъ. Разладъ обнаружился вскорѣ по выѣздѣ изъ Пекина членовъ десятой миссіи. Началось дѣло впрочемъ раньше: студенты прежней миссіи Леонтьевскій и Крымскій посѣяли прелубѣжденіе противъ о. Веніамина среди членовъ новой миссіи, входившихъ въ составъ Совѣта миссіи. Совѣтъ, призванный помогать начальнику, сразу же сталъ на ложную дорогу наблюденія и критики. О. Веніаминъ не сумѣлъ разсѣять невыгодное мнѣніе о себѣ. Ему всюду видѣлись капризы и непослушаніе, и въ то время, какъ онъ ревниво оберегалъ свою власть, члены Совѣта возмущались каждымъ его дѣйствіемъ, видя въ немъ упорство и поправіе правъ Совѣта. Самые пустячные поводы вели къ крупнымъ столкновеніямъ. Такъ жалоба членовъ Совѣта къ Иркутскому Губернатору на то, что Совѣтъ отстраняется начальникомъ отъ веденія хозяйственныхъ дѣлъ возникла по поводу пріисканія китаецъ учителя для лекаря Кириллова. Казенной ассигновки на учителей не хватало, прибавить начальникъ не хотѣлъ, а лекарь гордился, не желалъ поступиться [своимъ жалованіемъ]. Другой вопросъ о поощреніи албазинскихъ мальчиковъ для привлеченія ихъ къ службѣ въ церкви тоже породилъ массу толковъ, бурныхъ засѣданій Совѣта и доведенъ до свѣдѣнія Департамента. Велѣдствіе такихъ несогласій дѣла приходили въ разстройство, жить становилось тяжело. Въ 1832 г. уѣхалъ «по болѣзни» студентъ Курляндцевъ. Кованько послѣдовалъ за нимъ, но сдѣлано было такъ, что Департаментъ «вызвалъ» его въ 1836 г. Въ 1831 г. откомандированы были на сѣверное подворье члены миссіи: іеромонахъ Аввакумъ, іеродіаконъ Поликарпъ и псаломщикъ Розовъ. Смутное время продолжалось пять лѣтъ. Въ частныхъ письмахъ этого времени члены миссіи очень неуважительно отзывались о начальникѣ, а оо. Теофилактъ и Поликарпъ горько жаловались на то, что о. Веніаминъ чуть ли съ самаго ихъ пріѣзда въ Пекинъ предназначилъ ихъ для отправки

до срока въ Россію. Больного Теофилакта мысль о высылкѣ изнуряла, о. Поликарпъ боялся за свою судьбу, какъ неокончившій курса въ академіи и считалъ свою жизнь искалѣченной. Наконецъ, при поддержкѣ своихъ департаментскихъ друзей, члены миссіи одержали верхъ: департаментъ сталъ преподать о. Веніамину наставленія какъ себя вести, а о. Веніаминъ на это отвѣчалъ просьбою освободить его отъ должности начальника, тѣмъ болѣе, что видѣлъ полный упадокъ своего авторитета среди подчиненныхъ. Въ результатѣ получилось предписаніе департамента отъ 3-го іюня 1835 г.—сдать управленіе миссіею іеромонаху Аввакуму, но тщательно скрывать это отъ публики. Всѣ представленія въ Китайскій Трибуналъ внѣшнихъ сношеній должны были вестись отъ лица о. Веніамина, который имѣлъ обширное знакомство и вліяніе въ Трибуналѣ. Что касается отношеній къ китайцамъ, то ни одна миссія ни прежде ни послѣ не поставила себя на такую высокую степень. Самые первые князья и министры посѣщали русское подворье. Этому способствовали: умѣнье о. Веніамина обращаться съ китайцами,—за пятилѣтіе своего управленія имъ было роздано китайцамъ казенныхъ подарковъ болѣе чѣмъ на 6000 рубл., затѣмъ—представительный и искусный лекарь, пользовавшій многихъ знатныхъ пацієнтовъ; а также и художникъ Легашевъ, къ которому вся пекинская знать ѣхала снимать свои портреты. О. Аввакумъ, стоявшій во главѣ оппозиціи, умиротворилъ жизнь миссіонеровъ; онъ руководилъ ихъ научными занятіями, но не оставлялъ слѣдить за дѣйствіями о. Веніамина. Это особенно обнаружилось по дѣлу съ Португальскими миссіонерами. Католическія миссіи, въ томъ числѣ и Португальская, подверглись гоненію еще съ 1826 г. Миссіонеры европейцы указомъ Императора были выселены изъ Китая за вмѣшательство въ его политику. Въ Пекинѣ оставленъ былъ, съ разрѣшенія правительства, только одинъ престарѣлый епископъ Пиресъ Перейра, не могшій по болѣзни выѣхать. Имущество католическихъ миссій должно было быть продано. Кое-что изъ имущества было куплено и русской духовной миссіею еще при архимандритѣ Петрѣ; богатое собраніе книгъ на китайскомъ и европейскихъ языкахъ поступило въ даръ нашей бібліотекѣ. Въ распоряженіи больного епископа оставались еще —одинъ храмъ, два кладбища и кое-какіе долги, которые

умирающій и желалъ поручить своему старому другу о. Веніамину, и дѣйствительно оставилъ его (вѣрнѣе русскую миссію) своимъ душеприкащикомъ. О. Веніаминъ изрѣдка посѣщаль больного епископа, считая своею обязанностью похоронить его какъ должно, отецъ же Аввакумъ боялся навлечь этимъ много бѣдъ миссіи, а можетъ быть тутъ была злодѣйка зависть; только департаментъ былъ недоволенъ о. Веніаминомъ особенно за то, что онъ не постѣснялся дать своего слугу китайца-просфорника въ проводники тайно скрывавшемуся у епископа французскому миссіонеру. Ликвидация имущества португальскаго епископа уже по смерти его была произведена совѣтомъ миссіи подѣ председательствомъ самого о. Аввакума, когда прибыла въ Пекинъ новая миссія. Журналъ Совѣта отъ 15-го апрѣля 1841 г. подробно излагаетъ всѣ распоряженія ликвидируемымъ имуществомъ.

Занятія членовъ миссіи духовныхъ и свѣтскихъ въ теченіе десяти лѣтъ, какъ они рисуются по отчетамъ въ Департаментъ, состояли въ слѣдующемъ.

О трудахъ архимандрита Веніамина не любили распространяться ни начальникъ десятой миссіи, ни сослуживцы его въ одиннадцатой. Мы знаемъ о нихъ изъ отчета самого о. Веніамина, который въ 1842 г. рапортовалъ департаменту о своей дѣятельности за двадцать лѣтъ пребыванія въ Китаѣ. Дѣятельность эта не отличалась внѣшнимъ блескомъ въ ученомъ мѣрѣ, и не представлено имъ какихъ-либо ученыхъ трудовъ, но вся созидательная работа по миссіи, вся, такъ сказать, черная работа лежала на немъ; такъ что и своими успѣхами члены миссіи обязаны (косвенно) ему. Приходишь въ содроганіе отъ описанія той обстановки жизни миссіонеровъ, которая окружала ихъ до времени десятой миссіи и что терпѣли они отъ лѣтнихъ жаровъ и зимняго холода. И вотъ на долю о. Веніамина выпало переустройство обѣихъ подворій, сѣвернаго и южнаго. Ему пришлось прикупать землю, знакомиться съ основами китайской архитектуры, закупать матеріалы, имѣть дѣло съ подрядчиками. Это вынужденное необходимою строительствомъ продолжалось все первое десятилѣтіе съ перерывомъ лишь на два года,—1828 и слѣдующій. Оба храма Срѣтенскій и Успенскій были капитально отремонтированы; выстроены были новые дома для пріѣзда членовъ

одиннадцатой миссии. Одицавшие и отпавшие отъ вѣры албазинцы составляли предметъ постоянныхъ заботъ жившаго среди нихъ о. Веніамина. Въ школѣ албазинскихъ дѣтей онъ занимался самъ въ теченіе восьми лѣтъ. Имъ же возстановлено богослуженіе при Успенской церкви, гдѣ ученики принимали уже участіе, гдѣ собирались христіане для бесѣдъ и слушанія проповѣдей, что повело къ обращенію немалого числа и язычниковъ. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ о. Веніамину пришлось ѣздить на другой конецъ города для занятій въ Маньчжурско-русскомъ училищѣ и знакомиться для сей цѣли съ маньчжурскимъ языкомъ. Хотя для занятій книжнымъ китайскимъ языкомъ не оставалось другого времени, какъ только ночного, за то разговорный китайскій языкъ, быстро усвоенный о. Веніаминомъ на практикѣ, далъ ему возможность сблизиться съ китайцами и завести обширныя знакомства. Правда это причиняло много хлопотъ и отнимало много времени: въ ожиданіи визитеровъ надо было всегда быть «какъ на караулѣ», за то близкія отношенія съ Трибуналомъ и вліятельными людьми упрочняли вліяніе нашей миссии на ходъ и «тонъ» переговоровъ, обогащали русскихъ свѣдѣніями объ образѣ правленія, статистикѣ отдаленныхъ провинцій, о жизни высшаго общества, куда проникать было особенно трудно. Вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ путемъ можно было передавать китайцамъ правильныя понятія о Россіи и другихъ государствахъ, а чрезъ то разсеивать главные предразсудки китайской политики и религіозной жизни. Все свободное отъ этихъ занятій и безнокойствъ время о. Веніаминъ тратилъ на переводы и письменное изложеніе газетныхъ статей о ходѣ государственныхъ дѣлъ въ Китаѣ для представленія русскому правительству. При этихъ занятіяхъ переводами накоплялся матеріалъ по статистикѣ, географіи, законодательству, нравамъ и образу жизни китайцевъ. Земледѣліе китайцевъ въ его прошломъ и настоящемъ также привлекало вниманіе о. Веніамина, который вывезъ въ Россію до ста сортовъ сѣмянъ хлѣбныхъ и огородныхъ растений и двѣнадцать моделей земледѣльческихъ орудій, намѣреваясь посвятить земледѣлію особое сочиненіе. Имъ же начаты переводы «Исторіи царства Маньчжурскаго до завоеванія онаго Китаемъ» и «Исторіи Китая въ его удѣльный періодъ». Одинъ изъ лучшихъ китайскихъ лексиконовъ, со-

ставленный французскими миссіонерами въ Пекинѣ, подписанъ собственною рукою о. Веніамина (русскимъ переводомъ) и оставленъ въ пекинской библіотекѣ нашей миссіи. Добросовѣстное распоряженіе о. Веніамина оставленнымъ португальскими миссіонерами имуществомъ доставило честь и уваженіе русскому имени отъ китайцевъ и европейцевъ. При всемъ томъ, хозяйственная часть и распоряженіе мелкими дѣлами по монастырю, что другіе члены миссіи считали не своимъ дѣломъ, лежали вполне на одномъ о. Веніаминѣ. Заключая свой отчетъ онъ говорить, что воспоминанія о годахъ, проведенныхъ въ Пекинѣ, всегда будутъ для него пріятны по чувству удовлетворенія въ сознаніи исполненнаго долга.

Іеромонахъ Аввакумъ первое пятилѣтіе жилъ на Сѣверномъ подворьи, служа въ Успенской церкви и исполняя всѣ приходскія требы для албазинцевъ и христіанъ китайцевъ, а во второе пятилѣтіе онъ управлялъ миссіей. Въ первый періодъ онъ занимался болѣе китайскимъ языкомъ, начавъ занятіе имъ съ Саньцзыцзина по переводу о. Іакинаа, затѣмъ прочиталъ Сышу, У-цзинъ и часть Ши-цзина. Специальнымъ занятіемъ его въ это время было изученіе шаманскихъ обрядовъ, исполняемыхъ китайцами при бракахъ, жертвоприношеніяхъ и похоронахъ. Затѣмъ онъ перевелъ исторію первыхъ четырехъ государей маньчжурскаго дома, царствовавшихъ въ Маньчжуріи, біографіи монгольскихъ полководцевъ, гдѣ подъ 1223 г. упоминается о нашествіи монголь на Россію и взятіи городовъ Рязани и Тулы (въ біографіи полководца Субута). По маньчжурскому языку имъ сдѣланы переводы: сочиненія Канси «Описаніе Жохэра» и сочиненія Цянь-Луна «Описаніе Мукдена». По тибетскому языку: разборъ письменъ, переводъ двухъ рукописныхъ повѣстей и грамматики тибетскаго языка.

Іеромонахъ Теофилактъ занимался первые годы исключительно китайскимъ языкомъ, будучи постоянно отрываемъ отъ занятій исполненіемъ казначейскихъ обязанностей. Съ 1835 г. онъ переведенъ былъ на служеніе къ Успенской церкви и замѣнилъ собою о. Аввакума. Для своей христіанской паствы о. Теофилактъ перевелъ на китайскій языкъ: краткій катихизисъ Филарета, двѣ проповѣди, два руководства Кочетова-«О законѣ Божіемъ» и «Объ обязанностяхъ христіанина». Съ 1836 г. онъ

сталъ заниматься монгольскимъ языкомъ и буддизмомъ. Перевелъ нѣкоторыя статьи изъ жизнеописанія Будды, двѣ книги Ганьчжура и дѣлалъ выписки изъ книгъ какъ матеріалъ для исторіи и этнографіи восточныхъ народовъ. Но воспользоваться этими работами не могъ, такъ какъ не суждено было ему возвратиться въ отечество: онъ умеръ въ Пекинѣ 1-го іюня 1840 г. Его переводъ—«Докладъ комитета объ ассигнаціяхъ» напечатанъ въ 3-мъ томѣ Трудовъ членовъ Р. Д. Миссіи (ст. 255-262.)

Іеродіаконъ Поликарпъ исполнялъ обязанности ризничаго, живя при Успенской церкви. Усердно занимался всѣми тремя языками. Ему удалось достать китайскій текстъ Ганьчжура, который онъ оставилъ о. Теофилакту уѣзжая, въ ноябрѣ, 1835 г. въ Россію. Имъ начаты записки по географіи восточнаго Туркестана. Въ Россіи ему, какъ больному, для поправленія здоровья дано было право проживать гдѣ пожелаетъ, въ Ярославлѣ или въ Москвѣ.

Лекарь Кирилловъ, усвоивъ порядочно китайскій разговорный языкъ, и правила обращенія, на столько расширилъ свою лечебную практику, что кажется пользовался извѣстностью даже при дворѣ богдыхана. Одна изъ его пациентокъ, княгиня, подарила ему рѣдкій экземпляръ женшена съ листьями и плодами. Кирилловъ при помощи учителя китайца прочиталъ немало книгъ по анатоміи и медицинѣ, занимался выработкою медицинскихъ терминовъ и составилъ сочиненіе: «Анатомико-физиологическія основанія китайской врачебной науки». Кромѣ того Кирилловъ велъ метеорологическія наблюденія, составлялъ ботаническіе гербаріи и обучалъ албазинскаго ученика занятіямъ въ аптекѣ.

Художникъ Легашевъ, кромѣ живописи внутри храмовъ и иконостасныхъ образовъ Успенской церкви, еще нарисовалъ 34 портрета и 16 рисунковъ для подарковъ именитымъ китайцамъ. Изготовилъ множество рисунковъ по костюмамъ, земледѣльческимъ и музыкальнымъ инструментамъ, а также и видовъ Пекина акварелью и масляными красками. Имъ же изслѣдовано производство китайской туши, киновари и другихъ красокъ.

Студентъ Сычевскій съ маньчжурскаго языка перевелъ уложенія: «Палаты вѣшнихъ сношеній», Восточнаго Туркестана, Тибета, приказа маньчжурскихъ князей и приказа чиновъ. Тѣ же

уложенія онъ провѣрилъ по китайскимъ текстамъ. По монгольски прочиталъ «Исторію Монгольскаго народа» соч. Шмидта и составлялъ статистическія свѣдѣнія по государственнымъ уложеніямъ.

Студентъ Розовъ, кромѣ занятій чтеніемъ и пѣніемъ съ албазинскими учениками по должности псаломщика, съ китайскаго языка занимался выборками матеріаловъ историческихъ и топографическихъ, перевелъ съ маньчжурскаго и провѣрилъ по китайскому тексту «Исторію династіи Цзинь», перевелъ часть маньчжурскаго словаря и маньчжурской грамматики.

Студентъ Кованько въ первое время обратилъ вниманіе на разговорный китайскій языкъ и преуспѣвши въ немъ, читалъ Сы-шу, составлялъ краткій лексиконъ техническихъ терминовъ, ознакомился по книгамъ съ производствомъ соли, китайской туши, перевелъ книгу «Шоу-«ши»-тунъ-као» о земледѣліи и садоводствѣ, пріобрѣлъ секретъ окраски шелка, ознакомился съ офиціальнымъ языкомъ китайцевъ и перевелъ изъ русско-китайскаго словаря на три буквы. Кромѣ того онъ производилъ магнитныя наблюденія, составилъ геогностическія коллекціи и считалъ свою задачу въ Китаѣ оконченной, потому и былъ вызванъ въ 1836 г. въ Россію.

Кромѣ этихъ пекинскихъ занятій члены миссіи по возвращеніи въ Россію доканчивали тамъ нѣкоторыя работы, а также и дорогой по Монголіи занимались тѣмъ же.

По окончаніи срока члены одиннадцатой миссіи съ приставомъ Любимовымъ выѣхали изъ Пекина 9-го іюня 1841 г., въ Ургу прибыли 29 іюля, въ Кяхту 9-го августа.

По прибытіи въ Петербургъ, всѣ члены миссіи получили обѣщанныя пенсіи. Оо, Веніаминъ и Аввакумъ посвящены въ санъ архимандрита и имъ дарованы лично права настоятелей второклассныхъ монастырей. Первый былъ архимандритомъ въ одномъ монастырѣ Курской епархіи, а потомъ намѣстникомъ Александро-Невской лавры; второй оставленъ при Департаментѣ для совѣтовъ, получилъ орденъ св. Владиміра 3-ей степени, и впоследствии много путешествовалъ съ графомъ Путятинымъ и графомъ Амурскимъ на водахъ океана. Лекаръ Кирилловъ служилъ при Севявинѣ въ Иркутскомъ краѣ. Розовъ остался переводчикомъ при министерствѣ. Брату умершаго о. Теофилакта выдано единовременное пособіе въ пятьсотъ рублей.

Двѣнадцатая Миссія.

Опытъ Одиннадцатой миссіи, не отличавшейся спокойствіемъ жизни подъ управленіемъ о. Веніамина, побуждалъ департаментъ изыскивать способы къ устраненію ошибокъ въ будущемъ. Была даже мысль о подчиненіи миссіи свѣтскому лицу и въ средѣ чиновниковъ департамента, вѣроятно, находился и желающій принять начальство, такъ какъ въ 1835 году управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ обратился за совѣтомъ по этому дѣлу въ Кяхту къ проживавшему въ то время тамъ монаху Іакинѣу. Тотъ отвѣтилъ, что, такъ какъ по трактатамъ съ китайцами миссія должна состоять изъ духовныхъ лицъ, называемыхъ «ламами», то свѣтское лицо могло бы принять начальство лишь при условіи принятія рясофора, для чего необходимо было бы ему пожить въ Сергіевой пустыни подъ руководствомъ опытнаго настоятеля (кажется подразумѣваетъ Игнатія Брянчанинова) и затѣмъ въ Пекинѣ носить напереный крестъ. Но мысль эта не была осуществлена, такъ какъ нашелся достойный кандидатъ на должность начальника миссіи, іеродіаконъ Поликарпъ, которому въ такомъ намѣреніи и было въ 1836 г. Высочайше пожаловано пособіе 1500 руб. на излеченіе. Существуетъ мнѣніе, что Сперанскій изъ Иркутска хлопоталъ за о. Поликарпа. Съ 1838 г. Министерство начало дѣятельно готовить все нужное къ отправкѣ Двѣнадцатой миссіи. Вновь пересмотрѣны штаты миссіи, сдѣланы значительныя прибавки въ содержаніи: на лекарства для китайскихъ пациентовъ, на учителей тибетскаго языка, на покупку книгъ, на выѣзды медика за городъ для собиранія лекарственныхъ растений, на хорошую ризницу, на подарочныя вещи, въ числѣ которыхъ были телескопы, электрическія машины, воздушные насосы (для корейскихъ министровъ), экипажъ, заказанный пекинскимъ хутуктою, во по случаю смерти его впоследствии подаренный ургинскому Вану. Подарочныхъ вещей всего на сумму семь тысячъ руб., а на годовое содержаніе миссіи 17750 руб. Кромѣ того въ 1842 г. ассигновано на постройку бібліотеки въ Пекинѣ 13500 р. Между тѣмъ о. Поликарпъ вторично поступилъ (въ январѣ 1838 г.) въ Духовную Академію, гдѣ и нашелъ своихъ соотрудниковъ—іеромонаховъ Иннокентія

Немирова, Гурія Карпова, ієродіакона Палладія, студента Іосифа Гошкевича. Владимира Горскаго и Ивана Захарова. Гошкевичъ рекомендовалъ своего пріятеля художника Корсалина, который, впрочемъ, и рисовалъ хорошо. Сверхъ этихъ членовъ были приглашены двое постороннихъ: лекарь Александръ Алексѣвичъ Татариновъ и прикомандированный къ миссіи магистръ Казанскаго университета Василій Павловичъ Васильевъ. Всѣ они должны были заняться языками (китайскимъ и маньчжурскимъ), въ которыхъ должны были держать экзаменъ въ департаментѣ. Одинъ изъ студентовъ командированъ въ Пулковскую обсерваторію для практическихъ занятій по астрономіи, двое другихъ для занятій въ академическомъ музеѣ. Правильныя занятія въ департаментѣ начались съ августа 1839 г., а съ сентября всѣмъ членамъ миссіи положено жалованье. Свѣтскіе переименованы въ соотвѣтствующіе чины коллежскаго секретаря, а Корсалинъ выключенъ изъ податнаго сословія и ему данъ чинъ коллежскаго регистратора. Іеромонахи получили золотыя кресты, изъ кабинета Его Величества выдаваемые. Къ началу 1840 года все было готово и около 20 января всѣ члены миссіи съѣхались въ Казани, чтобы вмѣстѣ продолжать путь. Багажа оказалось 445 пудовъ, укупоренныхъ въ 125 ящикахъ. Одного серебра было везено 125 пудовъ. Въ Пекинъ миссія прибыла благополучно, и не безъ комфорта, 4-го октября, въ числѣ десяти членовъ, сопровождаемая приставомъ Николаемъ Ивановичемъ Любимовымъ, начальникомъ отдѣленія въ Азіатскомъ департаментѣ (послѣ бывшимъ директоромъ его, а затѣмъ сенаторомъ). Въ инструкціи, данной ему, говорилось объ имѣніяхъ миссіи, о португальской суммѣ, планѣ занятій языками, поведеніи членовъ миссіи; о политическихъ вопросахъ, — значеніи для миссіи Албазинскаго училища, о плаваніи по Амуру, сокращеніи срока пребыванія миссіи въ Пекинъ, — что можно предложить въ замѣнъ какихъ-либо уступокъ отъ китайцевъ, о разрывѣ съ англичанами и о возможности командированія на границу Китая русскаго посла, о торговлѣ и товарахъ, статистическія свѣдѣнія о Китаѣ, покупка рѣдкостей и разрѣшеніе возвратиться новымъ путемъ черезъ Нурухту. Во время пребыванія пристава въ Пекинъ англичане объявили Китаю угрозу блокадой за конфискацію опиума. Въ то же время, при

сдачѣ имущества и дѣль вновь прибывшей миссіи рѣшено выдавать по четыре фунта серебра каждому члену миссіи (а начальнику вдвое) на выѣзды за городъ въ лѣтніе жаркіе мѣсяцы.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію дѣятельности миссіи необходимо привести біографическія свѣдѣнія о ея членахъ.

Архимандритъ Поликарпъ (Тугариновъ) тридцати девяти лѣтъ, сынъ священника, Ярославской епархіи, по окончаніи курса Ярославской духовной семинаріи, въ 1820 г. поступилъ въ Петербургскую духовную академію и въ томъ же году принятъ былъ въ число членовъ Пекинской духовной миссіи и, пробывъ въ Пекинѣ пять лѣтъ, возвращень въ отечество. Въ 1838 г. вторично поступилъ въ академію и въ августъ посвященъ въ санъ іеромонаха, въ 1839 г. окончилъ курсъ со степенью магистра богословія и назначень начальникомъ Пекинской духовной миссіи; 16 августа возведенъ въ санъ архимандрита съ присвоеніемъ правъ настоятеля третьекласснаго монастыря, а 8-го февраля 1840 г. предоставлено ему званіе настоятеля первокласснаго монастыря.

Іеромонахъ Иннокентій (Немировъ) 29 лѣтъ, сынъ дьячка Ярославской епархіи Романо-Борисоглѣбскаго уѣзда. Въ 1834 г. окончилъ курсъ духовной семинаріи съ званіемъ студента, одинъ годъ находился при архіерейскомъ домѣ; въ 1835 г. поступилъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ въ 1837 г. принялъ монашество и рукоположенъ въ санъ іеродіакона. Окончилъ курсъ со степенью магистра богословія.

Іеромонахъ Гурій (Карповъ) 26 лѣтъ, сынъ священника Саратовскаго кафедральнаго собора. По окончаніи въ 1836 г. курса въ Саратовской духовной семинаріи одинъ годъ преподавалъ латинскій языкъ въ Саратовскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1837 г. поступилъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ въ 1838 г. постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ санъ іеродіакона 1-го августа, во іеромонаха же въ 1839 г. 20-го ноября. 9-го декабря пожалованъ ему золотой кабинетскій крестъ, 15-го декабря утвержденъ въ званіи кандидата богословія.

Іеродіаконъ Палладій (Капаровъ) 23 лѣтъ, сынъ протоіерея Казанской епархіи Чистопольскаго уѣзда. Въ 1837 г. поступилъ въ Петербургскую духовную академію, въ 1839 г. всту-

шилъ въ составъ Пекинской духовной миссіи, 11-го августа принялъ монашество, 16-го августа посвященъ въ санъ іеродіакона и зачисленъ на діаконскую вакансію при миссіи.

По прїѣздѣ въ Пекинъ іеромонахъ Иннокентій принялъ на себя исправленіе приходскихъ требъ и богослуженія на южномъ дворѣ миссіи; іеромонахъ Гурій взялъ казначейскую часть и служеніе въ Успенской церкви, что на сѣверномъ подворьи, гдѣ онъ и поселился; іеродіаконъ Палладій принялъ ризницу; обязанности псаломщика сталъ исправлять студентъ Гошкевичъ, онъ же завѣдывалъ библіотекой, магнитной обсерваторіей и метеорологическими наблюденіями. В. П. Васильевъ, вмѣстѣ съ о. Гуріемъ и о. Палладіемъ поселился на сѣверномъ дворѣ для удобства сношенія съ ламами сосѣдняго тангутскаго канища, чтобы заниматься изученіемъ монгольскаго и тибетскаго языковъ. О. Поликарпъ принялъ отъ о. Веніамина обязанности преподавателя русскаго языка въ Маньчжурской школѣ и вступленіе его въ эту должность было обставлено вѣкоторыми парадными официальностями.

По отъѣздѣ прежней миссіи изъ Пекина жизнь новаго состава миссіи потекла въ обычныхъ занятіяхъ—главнымъ образомъ языками, согласно, намѣченному ранѣ въ министерствѣ, плану. Архимандритъ Поликарпъ по обязанности начальника не имѣлъ возможности заниматься языками, но почти все время тратилъ на сношеніе съ трибуналомъ, собраніе свѣдѣній о Китаѣ, выборку изъ газетъ извѣстій по политическимъ вопросамъ. Возникшая вѣкорѣ война съ англичанами на югѣ давала достаточно матеріала для его дипломатическихъ донесеній. Донесенія эти, всегда обстоятельныя, обнаруживали въ о. Поликарпѣ способности тонкаго политика и осторожнаго дѣльца. Кромѣ того имъ тщательно выполнялись всевозможныя порученія Азіатскаго департамента и достигнуто многое въ дѣлѣ урегулированія сношеній съ Китаемъ. Посылка пакетовъ въ Россію вмѣсто прежнихъ двухъ разъ учащена до шести разъ въ годъ и департаментъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его двухмѣсячныхъ донесеній. Придерживаясь хронологическаго порядка упомянемъ здѣсь о болѣе выдающихся предметахъ получившихъ то или другое освѣщеніе по донесеніямъ о. Поликарпа. Такъ на первыхъ же порахъ воз-

никъ вопросъ о доставкѣ чаемъ воднымъ путемъ черезъ Тянь-цзинь въ Кяхту, но до окончанія войны съ англичанами не пришлось его осуществить, хотя и было подготовлено все для явки товаровъ въ пограничныхъ съ Монголіей таможенныхъ. Опіумъ, провозимый контрабандой, сталъ съ юга распространяться даже въ Пекинѣ. Декретомъ Богдохана утвержденъ новый лама для Тибета. Много хлопотъ о. Поликарпу причинило дѣло по доносу одного китайца на его родственницу вдову, у которой мужъ былъ христіанинъ и по смерти оставилъ иконы и книги. Такъ какъ христіанство было запрещенной въ то время религіей, а вдова жила вблизи сѣвернаго подворья, то доказчикъ этимъ бросалъ камень въ огородъ миссіи и могъ возбудить подозрѣніе въ китайскомъ правительствѣ, что миссія наша распространяетъ вѣру. Пришлось употребить много трудовъ и денегъ, чтобы доказать, что подозрѣнія напрасны. Старанія увѣнчались успѣхомъ и дѣло было прекращено. Въ 1842 г. о. Поликарпъ подробно доносилъ объ успѣхахъ англійской демонстраціи у береговъ Китая, о подписаніи постыднаго договора китайцевъ съ англичанами, о судѣ и казняхъ надъ чиновниками, о ссылкѣ ихъ въ провинцію Или. Въ томъ же году получены образцы русскихъ товаровъ, ситцевъ, сукна, одѣяль, скатертей. Все это переоцѣнено и найдено непригоднымъ для пекинскаго рынка. Одновременно доносилось, что и англійскіе товары спросомъ не пользуются и по цѣнамъ невыходящи. Предлагалось предпринять полученіе краски индиго черезъ Кяхту, а не черезъ Европу, что обѣщало значительное удешевленіе этой краски и подъемъ мануфактурной промышленности въ Россіи. Далѣе слѣдовали свѣдѣнія о торговомъ посольствѣ въ Пекинъ изъ Тибета и о вздорожаніи вышихъ сортовъ чая. О. Поликарпъ предупреждалъ кяхтинскихъ купцовъ не спускать цѣны на чай, хотя его доставлено было и много. Замѣчено было временное сильное паденіе цѣны опіума и вздорожаніе серебра. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ китайское правительство не знало что дѣлать, потеряло голову; ожидали народнаго волненія и смѣны династіи. Указомъ отъ 11 ноября 1842 г. ассигновано отъ департамента по четыре тысячи руб. въ годъ для пріобрѣтенія новыхъ земельныхъ владѣній духовной миссіей. На поправку русскаго кладбища одновременно ассигно-

вано триста руб. Въ декабрь того же года департаментъ предписывалъ обучать албазинскихъ мальчиковъ русскому языку, чтобы чрезъ нихъ можно было получать свѣдѣнія о Китаѣ; купить новое изданіе—Уложенія Палаты Вѣшнихъ Сношеній (трибунала) и описаніе Малой Бухаріи.

Въ томъ же году въ миссіи происходило рѣдкое событіе: возведеніе членовъ миссіи въ слѣдующіе чины—изъ коллежскихъ въ титулярные совѣтники. Право это было предоставлено миссіи, но она поторопилась имъ воспользоваться. Вышло курьезно: департаментъ пожурилъ миссію за поспѣшность и разъяснилъ, что трехгодичный срокъ, о которомъ говорится въ инструкціи, долженъ считаться не со дня назначенія, но со дня прибытія миссіи въ Пекинъ, однако не отмѣнилъ разсѣланнаго производства. Впослѣдствіи о. Поликарпъ просилъ министерство на будущее время лишить миссію этого права производства въ чины, потому что имъ очень трудно было воспользоваться: всѣ жили такъ близко, одной семьей,—давая награду одному,—достойному, не было никакой возможности отказать въ томъ же и другимъ. Такимъ образомъ производства въ чины не было до окончанія срока миссіи, а представленіе къ орденамъ было сдѣлано въ 1846 г., когда награды получили: архимандритъ Поликарпъ—орденъ св. Анны 2-ой степени съ короною, іеромонахи Иннокентій и Гурій св. Анны 3-ей степени, іеродіаконъ Палладій то же, лекарь Татариновъ, студенты Гошкевичъ, Васильевъ, Горскій и Захаровъ—св. Станислава 3-ей степени. Кромѣ того въ томъ же году лекарь Татариновъ представилъ сочиненіе на соисканіе степени доктора медицины, которое и получилъ впослѣдствіи при посредствѣ Азіатскаго департамента. Въ концѣ 1847 г. Татариновъ, Гошкевичъ и Васильевъ представлены были къ чину коллежскаго ассессора.

На рождественскихъ святкахъ въ 1843 г. хоръ албазинскихъ учениковъ, руководимый о. Гуріемъ пѣлъ въ Срѣтенской церкви, вызывая всеобщій восторгъ и слезы умиленія. На произведенномъ потомъ экзаменѣ оказалось, что школа Албазинцевъ поставлена прекрасно, ученики сдѣлали большіе успѣхи въ китайскомъ языкѣ, русскомъ чтеніи и пѣніи, а также въ ариметикѣ. На сдѣланное о семъ представленіе департа-

ментъ благодарилъ о. Гурія за все это, а ученики допущены къ чтенію въ церкви за богослуженіемъ по церковно-славянски.

Для закрѣпленія дружественныхъ отношеній русское министерство иностранныхъ дѣлъ прислало китайскому правительству столистную карту Россіи и значительное собраніе русскихъ книгъ по астрономіи, математикѣ, естественнымъ наукамъ, техникѣ, а также и много учебниковъ для подарковъ ученикамъ Маньчжурской школы, взаменъ чего въ Россію была послана вновь изданная карта Китая. Въ 1844 году началась официальная переписка о сокращеніи срока службы русскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ. Дѣло велось съ переменнымъ успѣхомъ до 1846 г. когда и закончилось. Срокъ сокращенъ до пяти лѣтъ, хотя этимъ двѣнадцатая миссія не воспользовалась.

Въ 1844 г. о. Поликарпъ доносилъ въ департаментъ о торговлѣ и возможности конкурировать съ англичанами, посылалъ образцы шелковой ваты и англійскихъ издѣлій, — сукна, бумажныхъ матерій. Китай продолжалъ усиливать свою оборону съ моря, на Хубэйской верфи заказаны были пароходы по модели, привезенной изъ Европы. Флотилія должна была обслуживать берега сѣвернаго Китая. Прибывшіе въ Кантонъ посланники французскій, испанскій, португальскій и американскій требовали для своихъ государствъ тѣхъ же правъ въ торговлѣ, которыя даны были англичанамъ по договору. Распространившіеся въ то время слухи о разрѣшеніи миссіонерамъ селиться въ Китаѣ не оправдались. Это относилось лишь къ пяти портовымъ пунктамъ, открытымъ для европейской торговли. Такъ однажды французскій миссіонеръ, проникшій было уже въ Калганъ, арестованъ и возвращенъ въ Кантонъ. Изъ нашей миссіи отправлены нарочные на югъ для добычи сѣмянъ шелковичныхъ червей и чая, требуемыхъ въ Россію.

Въ 1845 г. о. Поликарпъ усиленно просился вернуться въ Россію, причиной къ тому были какіе то наговоры, но департаментъ остался непреклоненъ и въ мартѣ мѣсяцѣ преподалъ ему еще болѣе настойчивое увѣщаніе остаться въ Пекинѣ, при этомъ выяснилось какъ министерство высоко цѣнило заслуги о. Поликарпа.

Весь слѣдующій годъ прошелъ въ собираніи матеріаловъ для выясненія тарифа въ Пекинѣ, Тяньцзинѣ, Кантонѣ и

другихъ городахъ. Бывшему учителю Албазинской школы Терентию выхлопотана пенсія по ста руб. въ годъ, а по смерти его семейству. Отъ усиленныхъ занятій языками многіе изъ состава миссіи болѣли, даже самъ лекаръ долгое время пролежалъ и былъ безнадеженъ. Весною 1847 г. умеръ отъ чахотки Владиміръ Васильевичъ Горскій. Это былъ наилучшій, всеми любимый, товарищъ и отмынный труженникъ. Смерть его сильно подѣйствовала на всѣхъ, особенно на о. Поликарпа и онъ опять возобновилъ свои просьбы о досрочной смѣнѣ миссіи. Уныніе одолевало всеми, поэтому департаментъ вынужденъ былъ начать сношеніе съ трибуналомъ о замѣнѣ состава миссіи и вызвалъ іеродіакона Палладія въ Петербургъ, предназначая его на должность начальника будущей миссіи, съ оставленіемъ его на томъ же содержаніи при департаментѣ и выдачею ему одновременно семи сотъ руб. на экипировку. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ о. Палладій выѣхалъ изъ Пекина, гдѣ начались уже заботы о приспособленіи помѣщеній для пріѣзда будущей миссіи. Перестройки продолжались два года и закончены лишь въ 1848 г. Тогда же поступило въ миссію собраніе книгъ по астрономіи изъ Португальской бібліотеки. Этимъ закончилась дѣятельность о. Поликарпа, какъ начальника миссіи, такъ какъ въ слѣдующемъ году получено увѣдомленіе о смѣнѣ миссіи, и имъ не представлено крупныхъ научныхъ трудовъ или переводовъ.

Іеромонахомъ Иннокентіемъ написано разсужденіе: «Рѣшеніе важныхъ возраженій противъ цѣли евангельскихъ чудесъ» (см. Кит. Благов. за 1916 г. въ 3.—4). Переводъ же на русскій языкъ китайскаго словаря «Кань-си-цзы-дянь», которымъ о. Иннокентій занимался все время пребыванія въ Пекинѣ, не оконченъ и гдѣ находится неизвѣстно.

Іеромонахъ Гурій несъ на себѣ собственно миссіонерскія обязанности: завѣдываніе Албазинской школой и поддержаніе православія среди албазинцевъ, хотя проповѣдь среди язычниковъ была воспрещена и департаментъ не вмѣнялъ миссіи въ обязанность пріобрѣтеніе новыхъ прозелитовъ изъ боязни политическихъ осложненій. Изъ трудовъ его по языку нужно упомянуть просмотръ прежнихъ переводовъ огласительныхъ христіанскихъ книгъ и новые переводы на китайскій языкъ: Соборное посланіе св. Апостола Іакова, Послѣдованіе ко св. Причащенію.

вію, Священная Исторія съ прибавленіемъ краткой Церковной исторіи, послѣдованіе Всенощнаго бдѣнія и Литургіи Златоуста; Краткія житія святыхъ за годъ и Краткая Исторія Вѣтхаго Завѣта въ видѣ руководства для школьникоу. Крімъ того о. Гуріемъ переведено съ китайскаго сочиненіе подъ заглавіемъ: «Обѣты буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ у китаицевъ» (Труды членовъ Рус. Дух. Мис. томъ 2-ой, ст. 117-215). Эта работа по отзывамъ синологовъ обнаруживаетъ въ переводчикѣ основательное изученіе буддизма и составляетъ цѣнный вкладъ въ европейскую литературу по этому предмету.

Іеродіаконъ Палладій также специально изучалъ буддизмъ и представилъ два обработанныхъ перевода: 1, «Ученіе Капи-лы», на которое часто ссылаются буддійскіе авторы и 2, «Очеркъ буддійскихъ божествъ». Послѣдній трудъ весьма сложный, тщательно прорѣченный, снабженный хорошими иллюстраціями, даетъ перечень главнѣйшихъ божествъ буддизма съ ихъ атрибутами и даже излагаетъ правила построенія истукановъ, ихъ реставраціи и какими церемоніями все это сопровождается.

Лекарь Татариновъ, изучая китайскую медицину (Тр. чл. Рус. Дух. Мис., т. 2-ой ст. 215-261), извлекъ изъ специальныхъ сочиненій массу отдѣльныхъ статей каковы: „Употребленіе китаицами лекарствъ“ (т. 3. ст. 73-81), „Ветеринарная медицина у китаицевъ“, „Способъ воспитанія дѣтей“, „Прививаніе оспы“, „Дѣтскія болѣзни“. «Описаніе нѣкоторыхъ лекарственныхъ веществъ и корней», «О смерти студента Горскаго», «Леченіе укуломъ иглой въ Китаѣ», «Корень жень-шень», «Способы изслѣдованія признаковъ насильственной смерти» и друг. Занятія Татарилова по ботаникѣ дали коллекціи сухихъ растений и до четырехъ сотъ рисунковъ травъ съ анатоміею цвѣта и плода, зарисованныхъ во время прогулокъ въ окрестныхъ горахъ.

Студентъ В. В. Горскій, занимался четырьмя языками (китайскимъ, маньчжурскимъ, монгольскимъ и тибетскимъ). Два его труда «Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома» и «О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династїи Цинъ и имени народа Маньчжу» напечатаны въ первомъ томѣ Трудовъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, (ст. 1-141).

Студентъ Іосифъ Гошкевичъ занимался вопросами по сельскому хозяйству и далъ рядъ статей, напечатанныхъ потомъ въ Трудахъ членовъ миссіи: «Шелководство и воспитаніе червей» (т. 3, ст. 226-250), «Изготовленіе китайской туши» (1, ст. 219-222) «Истребленіе саранчи», «Скороспѣлое пшено», «Два рода китайской картофели» (т. 3, ст. 69-73), «Китайскіе счеты и производство на нихъ четырехъ арифметическихъ дѣйствій» (т. 2, ст. 99-117). Гошкевичемъ же составленъ каталогъ Португальской бібліотеки.

Студентъ Иванъ Ильичъ Захаровъ послѣ смерти Горскаго исполнялъ обязанности псаломщика. Имъ представлены слѣдующіе переводы и сочиненія: «Хошоты въ Хухунорѣ и отношеніе ихъ къ Китаю»; «Тургуты (калмыки) и переселеніе ихъ на Волгу», «Описаніе Западнаго края Китайской имперіи», «Народонаселеніе Китая» (т. 1, ст. 141-219), «Поземельная собственность въ Китаѣ» (т. 2, ст. 1-57), «Описаніе озера Балкашъ и рѣкъ, изъ него вытекающихъ».

Художникъ Корсалинъ нарисовалъ массу виловъ въ дорогѣ, особенно на Байкальскомъ озерѣ. По пріѣздѣ въ Пекинъ онъ приводилъ въ порядокъ эти наброски, сдѣлалъ вѣсколько портретовъ съ трибунальскихъ чиновниковъ, но главная его работа—это большая картина масляными красками, изображающая общій видъ Лѣтнаго дворца «Вань-шоу-шаня» съ его живописными окрестностями. Климатъ Пекина и обстановка жизни оказались для него тяжелыми на столько, что онъ векорѣ же заболѣлъ и выѣхалъ обратно въ Россію въ 1843 году.

В. П. Васильевъ свои труды представилъ въ Казанскій университетъ чрезъ попечителя Казанскаго учебнаго округа.

Отъ 25 мая 1849 г. было послано изъ департамента извѣщеніе о смѣнѣ миссіи, при чемъ препровождена секретная инструкция—еще сдѣлать попытку на полученіе льготъ по торговлѣ на западной границѣ Китая. Департаментъ просилъ о. Польшкарна не забыть передать «симпатическія» чернила и шифръ начальнику новой миссіи для секретныхъ сообщеній.

Такимъ образомъ двѣнадцатая миссія пробыла въ Пекинѣ девять лѣтъ. 2-го мая 1850 г. она выѣхала изъ Пекина, 9-го іюля прибыла въ Кяхту, гдѣ встрѣчена торжественно полнымъ составомъ духовенства съ колокольнымъ звономъ, крестнымъ

ходомъ при участіи чиновниковъ и всего русскаго населенія.

По прибытіи членовъ миссіи въ Петербургъ, оцѣнка трудовъ была поручена особому комитету, который далъ свое мнѣніе о наградахъ и пенсіяхъ. Пенсіи даны въ слѣдующемъ размѣрѣ: архимандриту Поликарпу 1500 руб. въ годъ, іеромонаху Гурію 650 р., іеромонаху Иннокентію—500 р., доктору Татаринову 700 руб., Захарову и Гошкевичу по 500 руб. дальнѣйшая судьба ихъ такова: Архимандритъ Поликарпъ поселился въ Югорской пустыни близъ Рыбинска, іеромонахъ Иннокентій въ санѣ архимандрита управлялъ Старорусскимъ монастыремъ, іеромонахъ Гурій остался въ Кіево-Печерской лаврѣ. Татариновъ и Захаровъ ѣздили съ Ковалевскимъ заключать трактатъ въ Кульчжѣ и послѣ сдѣлались консулами въ Кульчжѣ и Чугучакѣ. Когда въ послѣднемъ китайцы сожгли факторію, то Татариновъ въ 1855 г. вернулся въ Россію, опять посланъ былъ въ Китай и странствовалъ съ графомъ Путятинымъ до заключенія Тяньцзиньскаго мира, послѣ чего былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ, а въ 1859 г. опять былъ съ посломъ Игнатьевымъ въ Пекинѣ. Захаровъ оставался въ Кульчжѣ, ѣздилъ заключать съ китайцами условіе о вознагражденіи за сожженіе Чугучакской факторіи и вернулся въ Кульчжу генеральнымъ консуломъ. Гошкевичъ ѣздилъ съ Путятинымъ въ Японію, попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ, а по возвращеніи издалъ японскій лексиконъ и отправленъ консуломъ въ Хакодате. Васильевъ занялъ мѣсто лектора китайскаго языка въ Казанскомъ университетѣ вмѣсто умершаго Войцеховскаго, а оттуда переведенъ профессоромъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и скончался.

Тринадцатая миссія.

Высочайше утвержденнымъ (24 іюня 1846 г.) мнѣніемъ русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ іеродіаконъ Палладій былъ вызванъ изъ Пекина въ Петербургъ для приготовленія къ должности начальника тринадцатой миссіи 27 апрѣля 1847 г. о. Палладій оставилъ Пекинъ и проѣзжая по Монголіи торговымъ путемъ черезъ Сайръ-усу, составлялъ этнографическія записки о кочевникахъ чахарахъ, харцинахъ и калхасцахъ. 28 мая онъ представлялся ургинскому Амбаню, а въ концѣ года мы видимъ его уже обитателемъ Александро-Невской лавры,

составляющимъ проектъ о занятіяхъ членовъ будущей миссіи китайскимъ языкомъ, для каковой цѣли Азіатскій департаментъ нехлонталъ ассигновку въ четыре тысячи руб. 8 марта 1848 г. іеродіаконъ Палладій посвященъ въ санъ іеромонаха и, находясь въ распоряженіи департамента, продолжалъ свои занятія, въ то время какъ въ министерствѣ выработанъ былъ штатъ миссіи съ сокращеннымъ шестилѣтнимъ срокомъ пребыванія въ Пекинѣ. По этому штату пенсіи уменьшены на одну треть, производство въ чины по опредѣленіямъ совѣта миссіи ограничено чиномъ титулярнаго совѣтника, въ присужденіи пенсій по окончаніи полнаго срока пребыванія въ Китаѣ дано рѣшающее значеніе отзыву начальника. Сотрудники о. Палладія въ числѣ девяти человекъ набраны были главнымъ образомъ изъ студентовъ Петербургской духовной академіи. Занятія всѣхъ ихъ при департаментѣ подъ руководствомъ о. Палладія начались съ осени 1848 г. и состояли въ знакомствѣ съ китайскими іероглифами по книжкѣ Сань-цзы-цзинъ или троесловіе, а затѣмъ переходили къ усвоенію китайской фразеологіи.

Вотъ краткія свѣдѣнія о личномъ составѣ Тринадцатой миссіи:

Іеромонахъ Павель, въ мѣрѣ священникъ Петръ Цвѣтковъ 28 лѣтъ, сынъ дьячка города Астрахани; по окончаніи курса въ Астраханской семинаріи, опредѣленъ священникомъ въ Астраханскій кафедральный соборъ. Овдовѣвъ, поступилъ въ 1847 г. въ Петербургскую академію, а въ 1848 г. постриженъ въ монашество 16 октября.

Іеромонахъ Евлампій, въ мѣрѣ Елисей Ивановъ 26 лѣтъ сынъ священника Полтавской епархіи, по окончаніи курса въ Полтавской духовной семинаріи, поступилъ въ 1845 г. въ Петербургскую академію. 9 октября 1848 г. постриженъ въ монашество, а 30 Октября рукоположенъ въ санъ іеромонаха.

Іеродіаконъ Илларионъ, въ мѣрѣ Михаилъ Оводовъ, 21 года, сынъ священника Архангельской епархіи. Изъ воспитанниковъ Архангельской духовной семинаріи поступилъ въ Петербургскую духовную академію въ 1847 г., постриженъ въ монашество 16 октября 1848 г., рукоположенъ въ іеродіакона 31 октября.

Студентъ Николай Ивановичъ Успенскій, сынъ діакона

Тверской епархіи 24 лѣтъ, поступилъ въ Петербургскую духовную академію въ 1845 г. магистръ богословія.

Студентъ Николай Ивановичъ Нечаевъ, присоединившійся къ составу Миссіи въ Мартъ 1849 г.

Студентъ Михаилъ Даниловичъ Храповицкій въ званіи псаломщика миссіи 24 лѣтъ сынъ священника Новгородской епархіи, поступилъ въ Петербургскую духовную академію въ 1845 г., магистръ богословія.

Студентъ Константинъ Андреевичъ Скачковъ.

Лекарь Стефанъ Ивановичъ Базилевскій, окончившій курсъ въ медикохирургической академіи.

Художникъ Иванъ Ивановичъ Чмутовъ изъ академіи художествъ.

Отцу Палладію было въ то время 32 года когда, 2-го Ноября 1848 г. онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита.

Весь 1848 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ и только въ декабрѣ первая партія членовъ миссіи выѣхали изъ Петербурга къ сборному пункту въ Казань, гдѣ собрались къ 24 Января 1849 г. и 8-го Февраля двинулись въ путь все вмѣстѣ; 17 Февраля были въ Екатеринбургѣ. Далѣе по дорогѣ они дѣлали этнографическія наблюденія: дорога была оживлена бѣдущими на Ирбитскую ярмарку и пестрѣла костюмами и типами инородцевъ восточной окраины Россіи, кстати была масляница. 26-го прибыли въ Томскъ, 3-4 Марта—въ Красноярскъ, 12-го въ Иркутскъ, откуда выѣхали 18-го, а въ Кяхту прибыли 21-го Марта. Такимъ образомъ десять тысячъ верстъ разстоянія Миссіи проѣхала въ общемъ по 125 верстъ въ день. Въ Кяхтѣ въ ожиданіи провожатыхъ чиновниковъ изъ Китая, а также въ хлопотахъ и приготовленіяхъ миссіа пребыла болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ промежутокъ этого времени прибылъ приставъ миссіи полковникъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій съ деньгами и инструкціей отъ департамента. Здѣсь же тотемскимъ купцомъ И. А. Малевинскимъ пожертвовано для миссіи четыре колокола, изъ которыхъ одинъ вѣсомъ въ три пуда вывѣшивался на остановкахъ, когда шла служба по праздникамъ, чтобы оглашать монгольскія степи церковнымъ звономъ. Колокола эти до сего времени служатъ миссіи и висятъ на колокольнѣ Крестовоздвиженскаго скита близъ Пекина. Въ Кяхту прибылъ и

гражданскій губернаторъ изъ Иркутска, много способствовавшій торжественности отправленія миссіи за границу.

19-го іюня 1849 г. съ утра въ Троицко-Савскомъ соборѣ отслужена соборнѣ всѣмъ наличнымъ составомъ мѣстнаго причта и членовъ миссіи торжественная литургія, послѣ коей съ крестнымъ ходомъ и въ сопровожденіи мѣстныхъ жителей всѣ двинулись къ обозу миссіи, гдѣ былъ напутственный молебенъ и окраплены святой водой всѣ дорожные вьюки, и обозъ двинулся къ воротамъ заставы въ Маймачень, а духовенство, члены миссіи и присутствующіе чиновники приглашены были на прощальный обѣдъ къ одному изъ мѣстныхъ коммерсантовъ. По окончаніи стола около пяти часовъ по полудни, всѣ преслѣдовали къ воротамъ заставы, гдѣ члены миссіи посѣтили домъ кяхтинскаго цзургучея; у вторыхъ рѣшетчатыхъ воротъ кяхтинскіе чиновники, директоръ таможи и пограничный комиссаръ славали обозъ за счетомъ монгольскимъ старшинамъ и китайскимъ чиновникамъ, сопровождающимъ миссію. Обозъ составляли: восемь повозокъ, двѣ фуры, восемьдесятъ двухколесныхъ телѣгъ, пятьсотъ лошадей, шестьдесятъ верблюдовъ, шестьдесятъ быковъ и пятьдесятъ барановъ. До первой станціи Гиланъ-норъ, на рѣкѣ Иро, миссію провожали пограничный начальникъ и китайскіе чиновники изъ Кяхты. Здѣсь была вочевка, благополучная переправа и прощанье всѣхъ знакомыхъ. Далѣе миссія двинулась купеческимъ трактомъ, согласно листу трабунала, и 2-го августа прибыла въ Ургу, гдѣ пробыла пять дней, обмѣнявшись визитами съ китайскими и монгольскими чиновниками. 27-го сентября миссія вступила въ Пекинъ.

По прибытіи въ Пекинъ началось знакомство съ городомъ официальными и частными лицами, сдача имущества, провѣрка суммъ и аренды съ земель и домовъ. Постройка зданія библиотеки, стоившей три тысячи рублей, закончена къ августу 1850 г. Должности и занятія членовъ новой миссіи распределены такимъ образомъ: іеромонахъ о. Евлампій занялъ казначейскую должность, службу при Срѣтенской церкви, занятія его намѣчены по древней исторіи Китая; іеромонахъ Павелъ поселился на сѣверномъ подворьѣ при Успенской церкви для завѣдыванія школою и Албазинскимъ приходомъ, занятія его

должны были пополняться изученіемъ нравовъ; іеродіаконъ Илларионъ принялъ на себя обязанности секретаря миссіи, научныя занятія свои посвящая буддизму и тибетскому языку; врачъ Базилевскій занялся изученіемъ китайской мелицины и составленіемъ коллекцій по естественной исторіи; студентъ Скачковъ занялся устройствомъ магнитной обсерваторіи, установкою вновь привезенныхъ инструментовъ и метеорологическихъ наблюденіями, а по китайскому языку ознакомленіемъ съ литературой по сельскому хозяйству; студентъ Успенскій принялъ завѣдываніе библіотекой и занялся маньчжурскимъ языкомъ и исторіей монгольской династіи въ Китаѣ; студентъ Нечаевъ вмѣстѣ съ Храповицкимъ принялъ на себя завѣдываніе хозяйственной частію въ миссіи, занялся маньчжурскимъ языкомъ и изученіемъ постановленій царствующей династіи. Какъ онъ, такъ и Успенскій не отличались здоровьемъ, а прилежаніе ихъ и врожденная любознательность способствовали усидчивости занятій и были причиною преждевременной ихъ смерти, не смотря на всѣ усилія спасти ихъ жизнь. Лѣто 1850 г. они провели въ Западныхъ горахъ, въ ноябрѣ о. Палладій просилъ кяхтинскаго пограничнаго начальника переслать въ Пекинъ вмѣстѣ съ оставленнымъ тамъ барометромъ и дорожную аптеку. Въ декабрѣ Успенскій уже умеръ отъ чахотки. Нечаевъ умеръ въ февралѣ 1853 г. Студентъ Храповицкій исполнялъ обязанности псаломщика, занимался маньчжурскимъ языкомъ и изучалъ китайское законодательство; художникъ Чмұтовъ послѣ обработки своихъ дорожныхъ эскизовъ, занялся подновленіемъ иконостасовъ въ обѣихъ церквахъ миссіи; въ занятіяхъ по китайскому языку онъ ознакомился съ правами и обычаями китайцевъ, зарисовывая сцены бытоваго жанра, иногда писалъ и портреты.

Что касается архимандрита Палладія, то все время свое онъ отдавалъ перепискѣ съ департаментомъ, собираю ю свѣдѣній о современномъ положеніи въ Китаѣ и обширнымъ донесеніямъ по пунктамъ инструкціи и случайнымъ, вызваннымъ обстоятельствами. Обстоятельства эти не благопріятствовали Китаю. Во все время пребыванія въ Пекинѣ тринадцатой миссіи волненія въ Китаѣ не прекращались: всюду подымались мятежи, велись войны; два раза произошли крупныя

столкновения съ европейцами, умеръ императоръ Дао-гуанъ и воцарился Сянъ-фынь, производились неудачныя попытки реформъ; финансы государства пришли въ полное разстройство; быстрая смѣна высшихъ сановниковъ вошла въ обычай, были губительныя засухи и ужасныя наводненія Желтой рѣки, ожидалось паденіе Дайцинской династіи; Пекинъ всегда былъ въ страхѣ отъ мятежниковъ. Все это ярко отражалось въ донесеніяхъ о Палладіа, побуждая его съ каждой очередной почтой отправлять въ департаментъ по нѣскольку пространныхъ номеровъ донесеній. Среди этихъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, скромное мѣсто занимаютъ собственно отчеты о дѣятельности миссіи: о занятіяхъ членовъ, о здоровьи ихъ; объ Албазинскомъ училищѣ и Албазинцахъ, которыхъ по отчету 1850 г. состояло 99 душъ, изъ нихъ 10 учениковъ при одномъ учителѣ; объ отведеніи небольшого участка подъ кладбище Албазинцевъ; о желаніи ихъ читать священное писаніе на понятномъ для нихъ языкѣ и изучать русскій языкъ. Къ этому нужно присовокупить представленія, также рѣдкія, о наградахъ членамъ миссіи, о подаркахъ трибунальскимъ чиновникамъ и курьерамъ, о постройкахъ, тяжбы съ арендаторами земельныхъ участковъ и прочія маловажныя дѣла. Гораздо болѣе вниманія удѣляется программнымъ вопросамъ политическаго характера: о плаваніи по р. Амуру, открытіи торговыхъ пунктовъ на западной границѣ Китая—въ Новой Бухаріи и Туркестанѣ, вопросы эти лишь подготовлены были для будущаго удовлетворительнаго ихъ рѣшенія. Торговля чаями, особенно байховыми во избѣжаніе притѣсенія калганской таможни и ограниченнаго числа пропускныхъ чайныхъ билетовъ, а также въ виду безпорядковъ на побережьи китайскаго моря, была овабочена нахожденіемъ другихъ путей сообщенія съ Монголіей и Кяхтой, именно по внутреннимъ дорогамъ черезъ Шань-си и западную границу чрезъ Кукухотонъ въ Урумци и Кобдо, куда ежегодно доставлялось почти то же количество ящиковъ (150 тысячъ), что и на Кяхту. Въ торговлѣ русскими суконными товарами проявился значительный застой вслѣдствіе неподходящихъ образцовъ, высокой цѣны и конкуренціи европейскихъ товаровъ, хотя и худшаго качества. Свѣдѣнія о таможняхъ выясняли, что нѣкоторыя таможни въ Китаѣ, напр. Шанхайгунь-

ская, приносять убытокъ въ виду значительныхъ расходовъ на содержаніе побережнаго караула. Прекращеніе подвоза казеннаго зерна съ юга по каналу, вельдствіе захвата мятежниками средней части рѣки Янцзы и канала, вызывало возмущеніе въ маньчжурскихъ войскахъ, расквартированныхъ близъ Пекина и замѣнено выдачею продовольствія деньгами, что еще болѣе истощало казенную наличность госудрства и вело его къ неминуемому банкротству. Выпуски ассигнацій, чеканнаго серебра и мѣдныхъ монетъ съ крупной кредитной (нарицательной) цѣнностью не давали ожидаемыхъ результатовъ въ виду того, что частные банкиры, болшею частію шаньсійцы, успѣшили изъять свои вѣсовыя деньги (серебро въ слиткахъ) изъ обращенія. Повски серебрянныхъ рудъ въ окрестныхъ горахъ не увѣнчались успѣхомъ вельдствіе незначительнаго содержанія въ нихъ металла и дорого стоящей его выработки. Пришлось выпустить монету желѣзную. Русское золото продавалось въ Калганѣ по цѣнѣ только въ 14 разъ дороже серебра, а цѣнность серебра въ Пекинѣ, считая на малые чехи возросла втрое противъ обычной. Землетрясеніе въ приморскихъ городахъ Фу-чжоу и на Квантунскомъ полуостровѣ, продолжавшееся въ теченіе тридцати восьми дней дало 44 удара въ направленіи съ юга на сѣверъ и держало приморское населеніе въ паническомъ страхѣ. Пираты свободно разѣзжали въ виду крѣпостей и береговой охраны, пока не встрѣчались съ европейскими судами.

Возстаніе на югѣ, начатое мятежникомъ Ли-юань-фа лѣтомъ 1850 г., быстро распространилось по провинціямъ Гуань-лунь, Гуань-си, Чжэ-цзянь. Инсургенты съ переменнымъ успѣхомъ дѣйствовали противъ правительственныхъ войскъ, заняли Нанкинъ, Ханькоу, Чжэ-цзянь, Янь-чжоу, Фу-чжоу, подходила и къ Тяньцзину, мятежъ сдѣлался общимъ и извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ возстанія Тайпинговъ. Даже мелкія монгольскія племена бунтовали и сожжена была русская факторія въ Тарбагатаѣ. Молодой императоръ воцарившійся 12 февраля 1850 г. сначала энергично принявшійся за борьбу съ мятежниками и склонный къ реформамъ, въ концѣ концовъ такъ ослабѣлъ, что лишился здоровья, а въ 1854 г. было покушеніе на его жизнь въ храмѣ Неба во время жертвоприношенія. Самые честные и талантливые вельможи, не обладая практическимъ образованіемъ, тер-

пѣли во всемъ неудачу, оставалось ожидать помощи со стороны, но китайцы долго отклоняли услуги европейцевъ въ подавленіи мятежа. Однако все клонилось къ униженію ихъ и имъ пришлось подписать Тяньцзинскій трактатъ 1-іюня 1858 года. Трактату предшествовало появленіе флотилии англо-французскихъ судовъ и попытка китайцевъ удержать береговыя укрѣпленія Тяньцзина. Тутъ же, на барѣ, были и русскіе клипера, пришедшіе съ р. Амура; на нихъ прибылъ русскій посольскій графъ Путятинъ, котораго китайцы отказались принять на сѣверной границѣ, но который предлагалъ имъ помощь отъ Россіи въ видѣ вооруженія и артиллеріи. Когда военное счастье измѣнило китайцамъ, графъ Путятинъ взялъ на себя трудную роль посредника между китайскимъ правительствомъ и европейцами. Въ этомъ ему много помогалъ о. Палладій. Онъ ѣздилъ въ Да-гу видѣться съ графомъ, оставилъ у него студента Храповицкаго, который и переводилъ текстъ трактата. Два раза о. Палладій дѣлалъ свои предложенія китайскому правительству чрезъ пристава полворья; они восходили на разсмотрѣніе самого Богдохана. Такъ какъ Муравьевъ (Амурскій), отъѣзжая изъ Иркутска послѣ извѣстнаго грубаго отвѣта китайскаго сената на ноту о приѣмѣ русскаго посла (графа Путятина), стоялъ за рѣшительныя мѣры противъ Китая и далъ подкрѣпленіе нашему посту на р. Зеѣ на случай военныхъ дѣйствій противъ китайской крѣпости Айгуна, то о. Палладій убѣждалъ Министерство воздержаться отъ репрессій, такъ какъ объявленіе войны было бы лишнимъ зломъ, а мирный путь переговоровъ удобнѣе приводилъ къ цѣли, которой добивался нашъ посольскій графъ. На сколько китайцы были осторожны и на сколько трудно было вести мирную работу посредничества, это видно изъ того, что въ первый приѣздъ графа Путятина къ Тяньцзину въ 1857 г. свобода выхода изъ двора нашимъ миссіонерамъ была ограничена, за ними слѣдили и первая попытка двухъ изъ членовъ миссіи пробраться въ Тяньцзинъ для свиданія съ графомъ потерпѣла неудачу: трибуналъ официальной бумагой потребовалъ возврата ихъ изъ Тунъ-чжоу. Къ тому же такія событія какъ избіеніе китайской чернью ста англійскихъ матросовъ въ Кантонѣ въ 1856 г. и поимка четырехъ шпионовъ, спущенныхъ на берегъ англо-французской эскадрой на границѣ Кореи, повелимому пресѣкали всякую возможность къ мирному исхо-

ду переговоровъ. Доходило дѣло до того, что порты Дагу были взяты и десантъ на лодкахъ совершалъ рекогносцировку къ Тяньцзину для прохода туда военныхъ судовъ. Въ то время какъ графъ старался умѣрять притязательныя статьи трактата, о. Палладій употреблялъ все усилія повліять на китайскихъ представителей оставить свое традиціонное упорство и пойти на уступки для прекращенія конфликта и чтобы не подвергнуть Китай еще большому униженію. Наконецъ совмѣстными усиліями обѣихъ сторонъ трактатъ былъ ректифицированъ, и въ немъ Россія получила все тѣ права, которыя были добыты европейцами оружіемъ. Между прочимъ въ немъ заключалась статья, которую графъ Путятинъ приписываетъ исключительно себѣ и которая развязывала руки европейскимъ вѣропроповѣдникамъ въ Китай. Миссія вздохнула легко послѣ столь долгаго и столь напряженнаго ожиданія конца политическихъ перепетій, продлившихъ срокъ ея пребыванія въ Пекинѣ на четыре года противъ установленнаго, задержавшихъ прибытіе новой миссіи и истощившихъ какъ моральныя, такъ и матеріальныя средства миссіи до конца. Одно воспоминаніе о прошлыхъ тяжелыхъ дняхъ, когда жители оставляли столицу, а департаментъ предписывалъ въ случаѣ рѣзни не покидать имущества миссіи, какъ будто оно было цѣннѣе жизни самихъ миссіонеровъ, когда угнетенное состояніе духа по случаю смерти іеромонаха Павла и затѣмъ іеродіакона Иллариона понижало здоровье и работоспособность членовъ миссіи, одно воспоминаніе объ этомъ бросало въ дрожь и теребило развинченныя нервы. Студента Скачкова болѣзнь принудила бѣжать въ Россію въ апрѣлѣ 1857 г. и онъ сообщилъ Иркутскому губернатору о плачевномъ положеніи миссіи, дождающей свои послѣдніе фунты серебра. Въ это время новая Четырнадцатая миссія сидѣла въ Иркутскѣ, задержанная приказаніемъ графа Путятина, а высланныя для ея сопровожденія по Монголіи подставы, истребивъ весь свой фуражъ и самыхъ лошадей, разбѣжались.

Итакъ тринадцатая миссія могла выѣхать изъ Пекина только 25 мая 1859 года т. е. пробывъ въ Пекинѣ полныхъ десять лѣтъ. По прибытіи въ Петербургъ приставъ миссіи статскій совѣтникъ Перовскій, въ письмѣ отъ 24 декабря 1859 г. на имя директора Азіатскаго департамента Ковалевскаго, по-

ставилъ на видъ особыя заслуги членовъ миссіи, прося объ увеличеніи имъ пенсій. Самъ онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, пожизненную пенсію въ 600 руб. и орденъ Св. Станислава 1-ой степени, Архимандритъ Палладій награжденъ пенсіей въ двѣ тысячи руб. и орденомъ св. Владиміра 3-ей степени.

Вотъ перечень трудовъ остальныхъ членовъ миссіи и полученныхъ ими наградъ: Иеромонахъ Евлампій занимался сравнительнымъ изученіемъ быта Китая и его древней исторіей, а послѣ смерти о. Павла (въ 1855 г.) служилъ чреду при Успенской церкви и исполнялъ приходскія требы среди албазинцевъ. Статьи его: «Воспоминанія о бѣдствіяхъ Нанкина», «По поводу выпуска государственныхъ ассигнацій въ Пекинѣ» и переводъ «Путешествія въ Аннамъ одного китайца» (напеч. «Восточный Сборникъ» 1 т. 67-149 ст.), а также записки по разбору такъ называемой «бамбуковой» лѣтописи и литературы со свѣдѣніями о гражданскомъ бытѣ Китая. Награжденъ пенсіей въ 400 руб. и орденомъ св. Анны 2-ой степени.

Иеромонахъ Павелъ занимался китайскою философіей и ученіемъ даосовъ, умеръ 27-го ноября 1855 г. Оставилъ слѣдующія рукописи, напечатанныя въ 3-мъ томѣ Трудовъ членовъ Р. Д. миссіи: «О соляномъ производствѣ», «Жертвоприношеніе Небу», «Несторіанскій памятникъ VII вѣка», «О сектѣ даосовъ», «Домашніе обряды китайцевъ», «Новѣрія китайцевъ», «О христіанствѣ въ Китаѣ», «О древнихъ школахъ въ Китаѣ».

Иеродіаконъ Иларіонъ изучалъ формы китайскаго буддизма, переводилъ документы, относящіеся къ дѣламъ Россіи, Монголіи и Тибета, о покореніи Албазина маньчжурами. «Очеркъ исторіи сношеній Китая съ Тибетомъ» напечатанъ во 2-мъ томѣ Трудовъ чл. Р. Дух. Миссіи (261-285 ст.). «О сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ» и о происхожденіи «русской» роты въ Китаѣ. Перевелъ изъ буддизма: «Обрядъ поступленія въ монашество», «Сображенный кодексъ ламаитскихъ исповѣданій». Въ 1854 г. ему пожалованы золотые часы. Умеръ 11 апрѣля 1857 г. отъ волягу, имущество свое завѣщалъ на дѣла благотворенія.

Докторъ медицины Базилевскій переводилъ о знаменитыхъ врачахъ Китая, «Употребленіе растительнаго воска въ китайской

медицины», «Описание бабочек», «Описание рыбъ и птицъ», «О болѣзняхъ въ Китаѣ», «Историческое начало китайской медицины»; статьи по географіи Китая: «Теченіе рѣкъ Янцзы и Хуанъ-хэ», «Горныя цѣпи, опредѣляющія ихъ бассейны». Занятія по зоологіи: Коллекціи—череповъ, растеній, сѣмянъ, мускуса, драгоценныхъ камней. Получилъ чинъ коллежскаго ассесора, награжденъ пенсіей въ 700 руб. и орденомъ св. Анны 3-ей степени.

Студентъ Скачковъ представилъ: «Описание мѣстности магнитной обсерваторіи», «значение астрономической науки въ Китаѣ», «Фабрикація фарфора», «О чаѣ», «О шелководствѣ», «Китайская астрономія и календареологія», «Сказаніе о Шень-пунѣ, изобрѣтателѣ земледѣлія», «Біографія Конфуція», «Пекинскіе нравы и обычаи», «Сравнительная карта неба», «Опытное поле». Выѣхалъ изъ Пекина въ апрѣль 1857 г. по болѣзни; получилъ мѣсто консула въ Чугучакѣ и пенсію въ 400 руб.

Студентъ Храповицкій перевелъ на маньчжурскій языкъ «Царствованіе Петра 1-го», а съ маньчжурскаго на русскій—«Объ осаѣ Пекина въ концѣ Минской династіи», въ 3-мъ томѣ Трудовъ чл. Р. Д. Миссіи (стр. 1-58) „Производство индига въ сѣверномъ Китаѣ“. Перевелъ на маньчжурскій языкъ: „Царствованіе Николая 1-го“, „Постановленія о монетѣ“ и «Записки объ Амурской области». Награжденъ пенсіей въ 700 руб. и орденомъ св. Владиміра 4-ой степени.

Художникъ Чмутовъ представилъ альбомы рисунковъ бытового жанра, китайскія художества, сцены изъ жизни благородныхъ женщинъ, пейзажи, коллекціи рисунковъ китайскихъ художниковъ. Много образовъ и большой образъ «Вѣнчаніе Богоматери» для горняго мѣста въ Срѣтенской церкви, много портретовъ и другихъ, тщательно исполненныхъ работъ. Награжденъ пенсіей въ 500 р. и орденомъ св. Анны 3-ей степени.

Четырнадцатая миссія.

Начальникомъ Четырнадцатой миссіи былъ избранъ архимандритъ Гурій, уже служившій въ составѣ Двѣнадцатой миссіи подъ начальствомъ архимандрита Поликарпа. По возвращеніи изъ Китая въ 1850 году, онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени и уволенъ изъ вѣдомства Азіатскаго

департаменту въ вѣдомство Святѣйшаго Синода съ предоставленіемъ духовному начальству, на основаніи состоявшагося Высочайшаго повелѣнія, возвести его въ санъ архимандрита, въ каковой онъ дѣйствительно и возведенъ 21-го февраля 1851 г., а 12 октября опредѣленъ на должность смотрителя Александроневскаго духовнаго училища. Въ 1855 году о. Гурій возведенъ на степень магистра богословія, а 25 августа 1856 года назначенъ начальникомъ духовной миссіи въ Пекинѣ. Въ составъ миссіи имъ приглашены слѣдующія лица: іеромонахъ Исаія (Поликинъ)—кандидатъ Петербургской духовной академіи, іеромонахъ Антоній (Люцерновъ) изъ вдовыхъ священниковъ Новгородской епархіи, служилъ экономомъ въ Александроневскомъ духовномъ училищѣ, магистръ Аѳанасій Ѳеропонтовичъ Поповъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника, студентъ Казанской духовной академіи Константинъ Павлиновъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, студентъ Мраморновъ, титулярный совѣтникъ Дмитрій Алексѣевичъ Пещуровъ изъ учителей Петербургской 3-ей гимназіи, художникъ Левъ Степановичъ Игоревъ и докторъ Петръ Алексѣевичъ Корніевскій. Приставомъ къ миссіи былъ назначенъ сенатскій чиновникъ, статскій совѣтникъ Петръ Николаевичъ Перовскій.

По докладу, утвержденному 4 сентября 1856 г., на содержаніе личнаго состава миссіи ежегодно положено 17,750 руб., столовыхъ 2000 р., приставу три пуда серебра, на подарки Китайцамъ 5000 р. и на тысячу руб. издѣліями Импер. фарфороваго завода.

Дѣятельность о. Гурія началась подготовкою членовъ миссіи по языкамъ, для каковой цѣли была нанята квартира по 8 линіи Васильевскаго острова въ девять комнатъ съ кухней и сараемъ безъ мебели по 50 руб. въ мѣсяць, срокомъ по 1 апрѣля 1857 г. Мебель, сторожей и чернорабочихъ давало министерство, кромѣ того на всѣ эти и другіе расходы до отъѣзда миссіи ассигновано было 3000 руб. Занятія продолжались правильно подъ руководствомъ о. архимандрита въ теченіе пяти мѣсяцевъ и вѣроятно увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Въ апрѣлѣ Миссія двинулась изъ Петербурга черезъ Казань, откуда отбыла уже въ началѣ мая, а въ двадцатыхъ числахъ іюня она была уже въ Иркутскѣ. Изъ Иркутска о.

Гурій сообщалъ, что посла—графа Путятина и генераль-губернатора Муравьева миссія не застала уже въ Иркутскѣ. Путятинъ поѣхалъ моремъ къ Тянь-цзиню, а Муравьевъ отправился на рѣку Зею, чтобы готовить наши аванпосты для военныхъ дѣйствій противъ Айгуна, такъ какъ отношенія съ Китаемъ обострились. Проѣхавшій изъ Пекина студентъ Скачковъ сообщилъ, что предложеніе о приѣмѣ въ Китай посла графа Путятина было принято китайцами хорошо, но что неожиданно изъ тайнаго совѣта послѣдовалъ грубый отказъ. На границу для встрѣчи новой миссіи прибыли два китайскихъ чиновника, они сопровождали Скачкова до Кяхты. Старая миссія въ Пекинѣ оставалась въ бѣдственномъ положеніи, сумма изсякла, жить далѣе было уже не на что. О. Палладій просилъ хотя бы небольшими частями переслать съ почтой серебра. Во второмъ письмѣ отъ 25 октября о. Гурій пишетъ, что не видитъ конца ожиданіямъ миссіи. Всѣ издержались, настало холодное время, нужно справлять одежду, а не-на-что. Просить о выдачѣ пособія на наемъ квартиръ въ томъ же размѣрѣ какъ получали въ Петербургѣ (начальникъ по 50 руб., а члены по 30 руб. въ мѣсяць). Сообщаетъ и о занятіяхъ членовъ миссіи, что они посѣщаютъ географическій музей, читаютъ по китайски «Сышу», а маньчжурскимъ языкомъ занимаются, подъ руководствомъ переводчика при губернаторѣ Восточной Сибири Шинмарева, по 3-4 раза въ недѣлю. Книгъ недостаетъ, выписываютъ изъ Кяхты. Астрономическія наблюденія ведетъ Пещуровъ. Игореву не хватило красокъ, а багажъ, въ коемъ есть запасъ красокъ, провезенъ въ Кяхту. Приставъ Перовскій писалъ директору Азіатскаго департамента Е. П. Ковалевскому еще лѣтомъ, что положеніе миссіи бѣдственное, что въ эту зиму нельзя и думать пускаться въ путь чрезъ Монголію, что онъ непрочъ бы вернуться въ Петербургъ. Въ январѣ 1858 г. о. Гурій выражалъ въ письмѣ къ директору надежду на скорое окончаніе «иркутскаго сидѣнья» и просилъ прислать приходо-расходныя книги и бланки для отчетовъ миссіи. Изъ Кяхты отъ 10 мая онъ доносилъ, что члены миссіи всѣ занимаются китайскимъ языкомъ, а Павлиновъ и маньчжурскимъ и что больные, оставшіеся въ Иркутскѣ выздоравливаютъ. Лишь къ 25 іюля всѣ сборы окончились. Обозъ миссіи въ 170 повозокъ

при охранивъ въ 48 казаковъ съ десятию урядниками двинулся къ границѣ. Напутственный молебень на площади совершалъ архіепископъ иркутскій Евсеевъ. Присутствовало все населеніе и четыре полка русской пѣхоты, бывшіе близъ Троицко-Савска на маневрахъ. Въ Пекинъ миссія прибыла 28 сентября 1858 года.

Въ ноябрѣ о. Гурій писалъ объ охлажденіи отношеній съ китайцами, что они не приняли подарковъ отъ о. Палладія. Близъ Тянь-цзина возводятся укрѣпленія на случай притязанія англичанъ; о тарифномъ договорѣ въ Шанхаѣ; о перемѣнахъ въ средѣ высшихъ сановниковъ; о таможенномъ сборѣ въ Шанхайгуани и Калганѣ и что серебро поднялось въ цѣнѣ втрое противъ нормальной цѣнности.

Къ этому же времени относится вопросъ о проповѣди православія въ Китаѣ. Инициатива его принадлежитъ русскому послу графу Путятину. Потерпѣвъ неудачу въ первый свой пріѣздъ къ Тяньцзину въ 1857 году, графъ направился на югъ, гдѣ и зимовалъ въ Гонконгѣ. Въ Шанхаѣ онъ посѣтилъ европейскія миссіи, протестантскія и католическія и особенно много вниманія удѣлялъ Сикаваю или католической конгрегаціи въ Шанхаѣ, которая своимъ порядкомъ, устройствомъ и успѣхами привела его въ восторгъ. Сообщая свои впечатлѣнія въ Россію, графъ подавалъ мысль объ открытіи проповѣди православія среди китайцевъ по Амуру, видя въ этомъ сильное орудіе для хорошаго вліянія на сосѣдей. Синодъ далъ свое заключеніе въ томъ смыслѣ, что лучше было бы открыть викаріатство въ Нерчинскѣ. Въ слѣдующемъ году, по заключеніи Тяньцзинскаго договора (отъ 1-го іюня), въ коемъ по настоянію графа была включена статья о свободной проповѣдѣ вѣры въ Китаѣ, графъ опять сдѣлалъ докладъ генералъ-адмиралу флота о необходимости скорѣйшаго организованія проповѣди православія въ Китаѣ, Корей и Японіи. Въ докладѣ своемъ графъ Путятинъ поставилъ слѣдующіе тезисы: 1) съ подписаніемъ Тяньцзинскаго договора всѣ пренятствія къ проповѣди христіанства въ Китаѣ рухнули и европейскія миссіи поспѣшатъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для расширенія своей дѣятельности, а потому 2) послѣ начинать дѣло проповѣди будетъ поздно. 3) Необходимо сборъ добро-

вольныхъ пожертвованій на миссію въ Китаѣ. 4) Требуется перевести кругъ богослужебныхъ книгъ на общепонятный китайскій языкъ; 5) четверо духовныхъ членовъ миссіи могли бы теперь же заняться духовно-учебнымъ дѣломъ, и 6) расходы по школѣ должны быть отнесены на ассигновки по духовному вѣдомству. Переписка объ этомъ, тянувшаяся около года закончилась мнѣніемъ Святѣйшаго Синода, который, признавая своевременнымъ начало проповѣди, предлагалъ иѣры осторожности, чтобы не испортить дѣла для будущаго. Синодъ далъ дополнительную инструкцію архимандриту Гурію, составленную въ такомъ духѣ и послалъ ее въ Пекинъ съ министромъ-резидентомъ Игнатіевымъ.

Назначеніе въ Пекинъ русскаго министра-резидента ставило на очередь вопросъ объ отдѣленіи дипломатической миссіи отъ духовной. Дипломатическая роль была навязана духовной миссіи съ самаго начала ея учрежденія. Такъ первая миссія была организована Святителемъ Іоанномъ, новопрославленнымъ митрополитомъ Тобольскимъ по указу Императора Петра Перваго. Послѣдующія миссіи, хотя составлялись по выбору Святѣйшаго Синода изъ лицъ духовныхъ или духовной школѣ принадлежащихъ, но такъ какъ средства на миссію отпускались правительствомъ и оно пользовалось услугами миссій для своихъ политическихъ цѣлей, сообразуясь съ коимъ, оно давало миссіямъ и свои инструкціи, то духовныя миссіи состояли какъ бы на службѣ правительства въ теченіе всего перваго періода т. е. ровно 150 лѣтъ.

Такое положеніе миссій обусловливалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что китайцы не принимали къ себѣ постоянныхъ посольствъ отъ европейскихъ правительствъ, а сообщеніе съ русскимъ ограничивалось лишь торговыми договорами и пріемомъ частныхъ торговыхъ каравановъ съ пушными товарами. Когда же Франція и Америка прислали своихъ резидентовъ въ Китай, Россія сдѣлала тоже, а затѣмъ само собою явился вопросъ о выдѣленіи дипломатическихъ функцій миссій въ вѣдѣніе резидента, а духовной миссіи оставалось заняться проповѣдію.

Въ сношеніяхъ министерствъ по этому поводу возникли два вопроса: о раздѣленіи средствъ содержанія и о епископѣ. Пер-

вый рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что всѣ свѣтскіе члены миссіи переходятъ въ дипломатическую и на ихъ содержаніе изъ прежняго штата миссіи ассигнуется половина, а остальная сумма въ 8875 руб. остается на содержаніе лицъ духовной миссіи.

На возвратъ миссіи испрашивался кредитъ въ 18.700 руб. 21 августа 1863 г. Государь приказалъ. «Съ 1-го января 1864 г. всѣ духовные члены Четырнадцатой миссіи переходятъ въ распоряженіе духовнаго вѣдомства, которое и оставитъ кого само знаетъ въ Пекинѣ. Свѣтскіе члены подлежатъ вызову въ Азіатскій департаментъ. Подъемныхъ денегъ духовнымъ и свѣтскимъ членамъ каждому по тысячѣ рублей; отъ Пекина до Кяхты 300 руб., отъ Кяхты до Петербурга двойные прогоны по положенію; провозъ багажа черезъ границу безпошлинный, но на личный счетъ каждаго».

По второму вопросу мнѣніе петербургскаго митрополита было таково, чтобы штатъ духовной миссіи въ Пекинѣ состоялъ изъ епископа, трехъ іеромонаховъ, одного священника изъ албазинцевъ, двухъ діаконовъ, двухъ иподіаконовъ и 12 пѣвчихъ изъ албазинцевъ, но Государственный Совѣтъ рѣшилъ, чтобы начальникомъ миссіи оставался архимандритъ, и что, если потребуется, при развитіи дѣла проповѣди, рукополагать духовенство изъ среды туземцевъ, то каждый разъ для этого испрашивалась бы особая ассигновка на расходы по посылкѣ ставленниковъ къ ближайшему епархіальному епископу въ Сибирь. Что касается Срѣтенскаго монастыря при миссіи, то его рѣшено упразднить, а взамѣнъ того на сѣверномъ подворьѣ при албазинской церкви образовать монастырь съ правами ставропигіального монастыря первокласснаго. Богдыханъ въ 1861 г. соизволилъ на перемѣну названія нашихъ духовныхъ лицъ «да-лама» на «Чжанъ-юань-сю-ши», а студентовъ называть вмѣсто «сюэ-шенъ» — «вэнь-ши».

По обязанности своей, какъ дипломата, о. Гурій собиралъ и сообщалъ въ департаментъ свѣдѣнія политическаго характера, а также и по вопросамъ социальнымъ и экономическимъ. Въ 1860 г. о. Гурій доносилъ, что переговоры китайцевъ съ англичанами прекращены. Въ 1861 г. онъ сообщалъ, что китайцы ожидаютъ отъ русскихъ обѣщан-

ной по трактату помощи (въ видѣ оружія и офицеровъ); что въ Пекинѣ пробыли французскій и англійскій посланники, что бумаги изъ Россіи приняты китайцами. О. Гурій совѣтуесть вступиться за честь Россіи и строже, настойчивѣе обращаться съ китайцами въ переговорахъ, и даже прислать 2000 солдатъ для поддержанія престижа. Далѣе сообщаетъ выписки изъ китайскихъ газетъ о болѣзни Императора, о движеніи инсургентовъ къ Пекину, о помощи англо-французовъ китайскимъ войскамъ. Однажды при побѣдѣ инсургентовъ, паника въ Пекинѣ овладѣла всѣми, — французскій посланникъ собирался бѣжать черезъ Монголію. Рабочіе китайцы разбѣжались отъ англичанъ. Затѣмъ о. Гурій хлопоталъ о пропускѣ русскаго торговаго каравана въ Тяньцзинь, и объ отѣнѣ требованія съ русскихъ купцовъ консульскихъ билетовъ въ Пекинѣ. Пещуровъ былъ посланъ торговымъ агентомъ въ Тяньцзинь. Португальскую бібліотеку и католическое кладбище наша духовная миссія возвратила католическому епископу (Мули), а свою бібліотеку перевезла на сѣверное подворье.

Въ это время о. Гурій получилъ двѣ значительныя награды: орденъ св. Анны 2-ой степени (10 декабря 1860 г.) и панагію, украшенную брилліантами цѣною въ 650 руб. (отъ 17 января 1861 г.) Онъ просилъ наградить и іеромонаховъ Антонія и Исаію, а также Пещурова, что и исполнено.

Заклучимъ описаніе дипломатической дѣятельности о. Гурія словами письма графа Н. П. Игнатъева «Я искренно любилъ, почиталъ и цѣнилъ преосвященнаго Гурія, пшеть Игнатъевъ. Въ бытность мою посланникомъ въ Пекинѣ въ 1859-1860 годахъ, онъ состоялъ начальникомъ Пекинской духовной миссіи и былъ главнѣйшимъ помощникомъ моимъ въ трудныхъ моихъ обязанностяхъ при переговорахъ съ китайскими сановниками — Сушенемъ и Шерганемъ. Знаніе от. Гуріемъ маньчжурскаго и китайскаго языковъ принесло мнѣ огромную пользу. Находясь съ нимъ въ Пекинѣ въ ежедневныхъ сношеніяхъ, я послѣ выѣзда моего изъ Пекина, оставался съ нимъ въ довѣрчивой и частой перепискѣ... Богъ помогъ мнѣ выбраться изъ Пекина, вопреки запрещенія богдыхана, войти въ сношеніе съ послами и военачальниками воюющихъ тогда съ Китаемъ державъ — Франціи и Англии, вмѣшаться въ ихъ переговоры, оказать вѣско-

торья услуги обѣимъ сторонамъ и наконецъ, спасти Пекинъ, привести враговъ къ мирнымъ переговорамъ и освободить Пекинъ отъ присутствія не только войскъ, но, временно, и дипломатовъ. Воспользовавшись временнымъ вліаніемъ на китайское правительство, я заключилъ съ нимъ, 2 ноября 1860 г., славный для Россіи Пекинскій договоръ, утвердившій за нами не только лѣвый берегъ Амура, но и весь Уссурійскій и Приморскій край съ Владивостокомъ и опредѣлившій всю сухопутную границу нашу до Небесныхъ горъ съ правомъ выгодной сухопутной торговли. О. Гурій переводами своими и знаніемъ маньчжурскихъ и китайскихъ нравовъ оказалъ мнѣ большую помощь"... Самъ же владыка Гурій не любилъ повѣствовать о своихъ заслугахъ и въ кругу близкихъ ему людей рассказывалъ объ этомъ важномъ событіи въ нѣсколько шутливомъ тонѣ: „Во время осады Пекина англо-французами, говорилъ онъ однажды, и я былъ очень почетной особою и въ глазахъ союзниковъ и предъ очами китайцевъ. Впрочемъ, замѣчу послѣдніе т. е. китайцы всегда имѣли ко мнѣ большое довѣріе и даже уваженіе, можетъ быть ради моей бороды, которая для нихъ всегда была предметомъ удивленія, и когда явился я въ первый разъ въ Китай, т. е. еще молодымъ человекомъ, прямо съ академической скамейки, однако съ большою бородою, то слышалъ отъ многихъ китайцевъ вопросъ: „а ужъ не сто-ли тебѣ лѣтъ отъ роду?“ Однако не въ бородѣ моей суть. Трусили во время этого обложенія и облагающіе Пекинъ и обложенные; первые боялись войти въ городъ, не безъ основанія предполагая, какъ-бы многомилліонное населеніе не забрасало этихъ варваровъ (и правда, что варвары!) шапками; а вторые невольно пугались пушекъ и ружей, какихъ они никогда не видавали. Вотъ въ это-то тяжелое для обѣихъ сторонъ время оны, т. е. союзники и китайцы, прибѣгли къ моему посредничеству и просили помирить ихъ между собою. И вотъ гдѣ положено, замѣчу, начало уступки намъ Амурской области".—За прекращеніе конфликта китайцы остались очень благодарны начальнику русской миссіи и продолжали относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ, прибѣгая къ нему за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Такъ, вскорѣ по заключеніи мира, англичане вздумали предлагать свои услуги въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, преслѣдуя въ

этомъ случаѣ исключительно свои интересы.—«Китайцы ко мнѣ за совѣтомъ. Я разъяснилъ имъ цѣли ихъ благодѣтелей и, надѣюсь, мой совѣтъ не связываться съ этимъ своекорыстнымъ народомъ, китайцы долго будутъ помнить, а англичане не осмѣлятся предлагать свои услуги прорѣзать вдоль и поперекъ Срединную имперію желѣзными путями и чрезъ то самое сдѣлаться своего рода хозяевами въ ней».

Отдѣльныя занятія каждаго изъ членовъ миссіи въ теченіе шестилѣтняго срока пребыванія ихъ въ Пекинѣ состояли въ слѣдующимъ. Архмандритомъ Гуріемъ просмотрѣны прежніе переводы духовно-нравственныхъ книгъ для проповѣди и оглашенія, а также сдѣланъ полный переводъ Новаго Завѣта, который и напечатанъ имъ въ Пекинѣ китайскимъ способомъ, т. е. гравированными деревянными досками, которыя и хранились долгое время въ библіотекѣ миссіи. Имъ же переведены: Псалтирь, Требникъ, Служебникъ, Пространный катихизисъ, разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ, Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта съ краткою церковною исторіей и другія.

Іеромонахъ Александръ занимался изученіемъ господствующихъ религіозныхъ вѣроученій въ Китаѣ. Имъ составлены записки по религіозно-народнымъ обрядамъ и суевѣріямъ, а также сдѣланы переводы съ китайскаго „Книга чаръ и заклинаній,“ „О китайскомъ Фэнъ-шуй-ѣ,“ и „Бракъ у китайцевъ.“

Іеромонахъ Исаія занимался критическимъ обзоромъ конфуціанства и чтеніемъ пекинской правительственной газеты. Имъ составлены и напечатаны: русско-китайскій карманный словарь для албазинцевъ. Тоническій китайско-русскій словарь по русскому алфавиту (въ 5000 іероглифовъ). О лѣсахъ и лѣсоводствѣ въ Китаѣ, и объясненіе на статью „Инсуррекция и инсургенты“.

Іеромонахъ Антоній занимался литературой по сельскому хозяйству, прочиталъ два лучшія сочиненія по шелководству. Сдѣлалъ выписки изъ уложеній финансовой палаты о количествѣ оброчной пахатной земли. Записалъ свѣдѣнія о постройкѣ домовъ, маслобоенъ, мельницъ, орошеніи полей, издѣліяхъ изъ фарфора, бумаги, туши, лаковыхъ вещей, изъ дерева и слоновой кости. Справочныя цѣны на матеріалы, поденную и издѣльную работу. Приобрѣлъ нѣсколько моделей земледѣльческихъ орудій

Студентъ А. О. Поповъ работалъ по статистикѣ и государственному хозяйству въ Китаѣ. Имъ составлено нѣсколько бытовыхъ статей и отчасти переводовъ. „Путевой журналъ генерала Чжанъ—Лэна,“ „Шесть обстоятельствъ, воспрепятствующихъ куреніе опиума,“ „Проводы тѣла императора Сянь-фына,“ Горное дѣло въ провинціи Юнь-нань,“ „Значеніе Пекина и Тяньцзина для русской караванной торговли,“ „О таможенномъ соляномъ сборѣ,“ „Нѣтъ худа безъ добра,“ „Три извѣстія изъ Калгана,“ „Новый годъ въ Китаѣ,“ „Холера 1862 года,“ „Гаданье на пальцахъ,“ „Правила для русской торговли,“ „Форма свидѣтельства для русскихъ купцовъ,“ «Дневникъ китайца во время похода въ Россію», «Пекинскія народныя преданія и повѣрія», «Китайскія пословицы», «О свидѣніяхъ и смотоложаніи въ Китаѣ,» «Въѣздъ французскаго и англійскаго посланниковъ въ Пекинъ,» «Поѣздка китайца въ Жэ-хэ» и др.

Студентъ К. Павлиновъ занимался изслѣдованіемъ по администраціи и законодательству Китая. Имъ представлены слѣдующія сочиненія и переводы: «О пріѣздѣ китайскихъ данниковъ ко Двору,» «Китайское уложеніе для Туркестана,» «Уложеніе кабинета министровъ,» «Словарь правительственныхъ мѣстъ и лицъ въ Китаѣ,» «Императорскій Дацинскій домъ,» «Описаніе государственныхъ печатей,» «Описаніе подарковъ вассаламъ,» «Описаніе рѣчныхъ системъ Уссури и Тумань-цзяна,» «Изслѣдованіе китайца о Россіи и о сношеніяхъ съ Россіей при Дацинской династіи,» «Переводы изъ Пекинской правительственной газеты за 1862 г,» «Объ одѣяніи и внѣшнихъ отличіяхъ чиновниковъ и князей,» «Описаніе церемоніальныхъ одеждъ императора и императрицы,» «Уложеніе о Туркестанцахъ, Бурукахъ, Кайсакахъ и индійскихъ племенахъ,» «Записки о государственныхъ и административныхъ мѣстахъ,» и «Описаніе военной одежды богдыхана».

Студентъ Н. Мраморновъ преподавалъ русскій языкъ въ албазинской школѣ и съ 1862 г. исполнялъ въ Тяньцзинѣ обязанности секретаря консульства. Изучалъ китайскихъ классиковъ и дополнял термины Русско-китайскаго словаря. Имъ представленъ одинъ трудъ, «Исторія царствованія дома Юань».

Студентъ Д. А. Пещуровъ представилъ работы: «Древняя астрономія китайцевъ», и «Выписки о землетрясеніяхъ, быв-

шихъ въ Китаѣ въ эпоху Минской династїи». Съ 1861 года состоялъ агентомъ въ Тяньцзинѣ.

Докторъ медицины П. А. Корніевскій представилъ изслѣдованія: «О китайской медицинѣ», «Мѣстные болѣзни и средства излѣченія», и «Отчетъ о лѣченіи больныхъ въ Пекинѣ за 1859 г.»

Художникъ, академикъ Л. С. Игоревъ, писалъ портреты въ Иркутскѣ и Кяхтѣ (съ Цзургучея), фотографировалъ въ Иркутскѣ. Изучалъ китайскій разговорный языкъ, собиралъ древнія монеты и занимался правоучительною живописью. Написалъ маслянные портреты съ чиновъ трибунала, типы китайцевъ, портретъ Гунъ-вана и другихъ чиновниковъ. Рисовалъ эскизы для образовъ сѣвернаго и южнаго подворья. Имъ написаны: Распятіе и плащаница для Срѣтенской церкви, иконостасъ Успенской церкви, иконостасъ въ деревнѣ Дупцинань и многое другое.

Второй періодъ миссій (съ 1864 по 1902).

Духовная миссія обособленная отъ дипломатической.

О миссіонерскихъ трудахъ Четырнадцатой миссії мы будемъ говорить словами отчета о. Гурія: «Кит. Благов.» за 1912 г. вып. 2, ст. 6-13.

«По прибытіи миссії въ Пекинъ въ концѣ 1858 года небольшой приходъ при Успенскомъ храмѣ ввѣренъ былъ ближайшему надзору и попеченію іеромонаха Александра. Съ октября мѣсяца не проходило ни одной почти службы¹⁾ безъ того, чтобы въ приходской нашей церкви кого-либо не крестили; случалось, что крестились по нѣскольку человекъ за-разъ. Къ празднику Рождества Христова всего окрещено было до 30 человекъ. Къ Пасхѣ слѣдующаго 1860 года окрещено было еще 30 человекъ. Вскорѣ послѣ Пасхи іеромонахъ Александръ, по разстроенному здоровью, получилъ увольненіе отъ исполненія приходскихъ обязанностей. Въмѣсто него назначенъ былъ іеромонахъ Исаія, который въ началѣ апрѣля мѣсяца 1860 года переселился въ сѣверное подворье и занялся приходскими дѣлами. Новокрещенные поручены были для наученія людямъ свѣдущимъ, а вновь изъявлявшіе желаніе креститься стали допускаться ко

¹⁾ Здѣсь служба совершалась только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

крещенію по испытаніи, при чемъ требовалось по крайней мѣрѣ знаніе наизусть символа вѣры, 10 заповѣдей и молитвы Господней. Дѣти помѣщались въ училище и сподоблялись крещенія только послѣ того, какъ выучатъ краткій катихизисъ и ежедневныя молитвы. Къ концу 1860 года іеромонахомъ Исаіею окрещено было 30 человекъ, и до 50 человекъ готовились ко крещенію.

Въ 1861 году миссіонерская дѣятельность продолжалась прежнимъ порядкомъ. Наставленія въ вѣрѣ чрезъ албазинцевъ и крещеніе приготовленныхъ были постоянны. Въ іюнь мѣсяцѣ, воспользовавшись первою возможностью, архимандритъ Гурій оставилъ южное подворье и переѣхалъ на житье въ сѣверное; а съ сентября мѣсяца принялъ участіе въ приходѣ, взявъ на себя часть катихизическую и не оставляя занятій по переводу Священнаго Писанія Новаго Завета, съ 1859 года имъ предпринятаго. Въ первое время бесѣды архимандрита Гурія съ прихожанами были довольно часты, — три раза въ недѣлю. Но, такъ какъ это отнимало значительную часть его времени и слѣд. мѣшало предпринятому переводу Св. Писанія, дѣлу не меньшей важности, то, по общему соглашенію, рѣшили, начиная съ Пасхи 1862 года, собираться для катихизическихъ бесѣдъ только по воскресеньямъ, тотчасъ послѣ обѣдни.

Бесѣды катихизическія были бесѣдами въ собственномъ смыслѣ. Въ воскресные дни обыкновенно кто-нибудь изъ дѣтей рассказываетъ Евангеліе, которое въ тотъ день читано въ церкви на славянскомъ языкѣ и учителемъ — катихизаторомъ рассказано по китайски во время причастна. За тѣмъ, по содержанию Евангелія предлагается, заключающееся въ немъ, наставленіе, съ возможно близкимъ примѣненіемъ его къ жизни. Это примѣненіе собственно и составляетъ бесѣду, въ которой принимаютъ участіе все. Здѣсь предъявляются недоумѣнія, разныя трудности совмѣстить принятые обычаи съ требованіями Евангелія и проч. Затѣмъ, если есть время ¹⁾, предлагается очередное чтеніе изъ катихизиса, или свящ. исторіи, или изъ другихъ, имѣющихся на китайскомъ языкѣ, книгъ духовнаго содержания. Само собою разумѣется, что чтеніе происхо-

¹⁾ Условно оканчивать бесѣду не раньше двухъ часовъ.

диль только для порядка въ разговорѣ. Прочитанное тотчасъ же становится темою для разговора, и подвергается точному, и по возможности полному объясненію на общепонятномъ языкѣ. Въ простые же дни, когда собирались по три раза въ недѣлю, не было чтеній изъ Евангелія: только продолжали очередное чтеніе по книгамъ и въ порядкѣ читаннаго производилось толкованіе. Такимъ образомъ съ сентября 1861 года по 1864 г. прочитаны и протолкованы: а) краткій катихизисъ, б) свящ. исторія Ветхаго Завета, в) жизнь Господа нашего Іисуса Христа, г) небольшая книжка (составленная по вопросамъ и отвѣтамъ) о постѣ, молитвѣ, исповѣди и свят. причащеніи, д) молитвословія на разные случаи, е) знаніе обрядовъ и дѣйствій при совершеніи семи таинствъ, ж) составъ богослуженія вечерняго, утренняго и литургіи и наконецъ з) исторія Церкви Христовой до нашего времени (кратко).

Нельзя было безъ утѣшенія смотрѣть на усердіе и внимательность, съ какими посѣщались (и посѣщаются) эти бесѣды. Польза отъ нихъ не только личная для каждаго, посѣщающаго собранія, но и для дѣла распространенія православія. До сихъ поръ всѣ обращенія и наставленія въ вѣрѣ принимающихъ крещеніе совершались чрезъ албазинцевъ. Уясненіе свѣта вѣры въ самихъ этихъ наставникахъ облегчить имъ передачу ими наставленій другимъ, не крещенымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ускорить самое распространеніе православія.

Въ настоящее время дѣятельность миссіонерскую оказалось возможнымъ распространить за предѣлы Пекина, не прекращая ее въ самомъ городѣ. Въ деревнѣ Дунъ-динъ (Матуютожъ), отстоящей отъ Пекина верстахъ въ 50 съ небольшимъ, было нашихъ православныхъ христіанъ нѣсколько человекъ (до 10), всѣ мужчины, большая часть люди семейные. Семейства же ихъ: жены, дѣти (исключая тѣхъ мальчиковъ, кои получаютъ какую-нибудь должность въ русскомъ подворьѣ, или поступаютъ въ училище на казенное содержаніе) были всѣ некрещенные. Случайно заѣхавши въ эту деревню нашъ іеромонахъ Александръ узналъ, что у деревенскихъ нашихъ христіанъ нѣтъ ни книгъ (христіанскихъ), ни людей, которые учили бы ихъ по книгамъ. Немедленно съ книгами и порученіемъ—заняться наставленіемъ въ вѣрѣ—отправленъ былъ сынъ

Терентія (бывшаго катехизатора, теперь уже умершаго) Моусей, человекъ молодой, но солидный. Онъ пробылъ въ деревнѣ двѣ недѣли и привезъ извѣстіе, что расположенныхъ къ христіанству въ этой деревнѣ много, но что жена Вонифатія (старшаго въ родѣ изъ нашихъ христіанъ въ деревнѣ) рѣшительно противъ христіанства. Въ концѣ октября 1861 года, когда можно было съ достовѣрностію предполагать, что полевая работа кончена, іеромонахъ Исаія отправился въ Дунъ-динъ—ань окрестить желающихъ и готовыхъ ко крещенію, разсѣять предубѣжденія этой старухи (жены Вонифатія) и вообще обратить вниманіе на бытъ и отношенія нашихъ христіанъ къ ихъ сосѣдямъ, чтобы придумать средства къ упроченію христіанства въ тамошнемъ мѣстѣ. Съ іеромонахомъ Исаіею отправились катехизаторъ Иванъ и учитель Никита. Они должны были облегчать разговоръ іеромонаха Исаіи съ мужичками. По возвращеніи своемъ іеромонахъ Исаія донесъ начальнику миссіи, что въ деревнѣ онъ нашель все въ порядкѣ, что приняли его тамъ радушно, слушали внимательно, что онъ окрестилъ только 30 человекъ, но что желающихъ креститься явилось къ нему много, что крещеніе ихъ онъ отложилъ до времени, когда они болѣе ознакомятся съ христіанствомъ и что за наставленіями въ вѣрѣ онъ посовѣтовалъ имъ обращаться къ Владиміру (одному изъ крестьянъ той же деревни, въ малолѣтствѣ два гола учившемуся въ нашемъ училищѣ въ Пекинѣ)—и что онъ, іеромонахъ Исаія, находитъ полезнымъ и возможнымъ открыть въ этой деревнѣ училище для дѣтей съ тѣмъ, чтобы отъ дѣтей по немногу учились и взрослые; училище же это можно поручить до времени тому же Владиміру. При этомъ іеромонахъ Исаія объявилъ, что изъ окрещенныхъ имъ онъ причастилъ Св. Таинъ (запасными Дарами) одну старуху и одну разслабленную, но никого не вѣнчалъ, по неимѣнію на этотъ предметъ разрѣшенія и нѣкоторыхъ церковныхъ принадлежностей, а на пріѣздъ женщинъ съ своими мужьями въ городъ для вѣнчанія онъ не надѣется.

Почти вслѣдъ за іеромонахомъ Исаіею явился и Владиміръ. Послѣ недолгихъ разсужденій о мѣрахъ согласить его интересы съ обязанностями наставника въ замышляемомъ училищѣ, поручено ему собрать мальчиковъ и учить ихъ молит-

вамъ, грамотѣ и письму; дано ему нѣсколько экземпляровъ сваящ. исторіи ветхаго завѣта и катихизиса: обѣщано въ вознагражденіе его трудовъ, на паемъ работника для поля и на расходы по училищу небольшое вознагражденіе¹⁾. Такимъ образомъ съ половины ноября 1861 года въ деревнѣ Дуиъ-динъ-анъ открыто было православное училище, въ которомъ стали обучаться шесть мальчиковъ и одна дѣвочка.

Между тѣмъ, имѣя въ виду вышеизъясненный отзывъ іеромонаха Исаи, начальникъ миссіи отнесся въ Иркутскъ къ преосвященному Пароенію, съ просьбою благословить миссію св. антиминомъ для совершенія литургіи въ вышеозначенной деревнѣ, разрѣшить вѣнчать браки (въ деревнѣ) вѣ храма и снабдить иконами и крестиками, въ которыхъ была крайняя нужда. Въ то же время о нуждѣ въ иконахъ и крестикахъ написано было архимандритомъ Гуріемъ къ г. директору азіатскаго департамента.

Въ концѣ ноября изъ деревни пріѣхали въ миссію пять человекъ мужчинъ и, сверхъ всякаго чаянія, пять женщинъ. Все они изъ новокрещенныхъ; пріѣхали поговѣть и причаститься Св. Таинъ. Мужчины оставлены въ подворьѣ, а женщины помѣщены были въ женскомъ училищѣ, гдѣ и наставницы и воспитанницы, кои по возрасту, могли быть полезными имъ собесѣдницами. Собственно для новоприбывшихъ была совершена семидневная служба, которую они усердно посѣщали. Бывали они и на бесѣдахъ катихизическихъ; ходили и къ нѣкоторымъ изъ албазинцевъ. Видно было, что все, что они видятъ и слышатъ, ихъ очень интересуетъ, что всею они довольны; но особенно поразила ихъ внимательность, съ какою миссіонеры заботятся о воспитаніи дѣтей,—что передъ отъѣздомъ своимъ, по исполненіи христіанскаго долга, ясно высказали²⁾.

¹⁾ Около 50 рублей сер. въ годъ.

²⁾ Училище для мальчиковъ—въ Китаѣ не рѣдкость. Но училище для дѣвочекъ рѣшительно нововведеніе. Нельзя сказать, чтобъ китайцы не учили своихъ дочерей: учатъ кой-чему и дѣвченокъ, но только люди богатые и во всякомъ случаѣ у себя на дому, какъ бы по секрету. Училище же, содержимое отъ казны и открытое для всѣхъ дѣвочекъ, преимущественно бѣдныхъ, желающихъ научиться христіанству, а отчасти и руководялю, необходимому въ семейномъ быту,—дѣйствительно вещь въ Китаѣ новая, и не можетъ не поражать китайца.

Къ празднику Рождества Христова, по прежнимъ примѣрамъ, прибыли изъ той же деревни вѣсколько человекъ изъ прежде крещенныхъ. Поблагодаривъ стариковъ за пріемъ, оказанный іеромонаху Исaih, за солѣтствіе ему при крещеніи новообратившихся, начальникъ миссіи обратилъ ихъ вниманіе на тѣ неудобства, которыя, по тѣснотѣ и неособенно большой опрятности ихъ жилищъ, неизбежны при совершеніи священнодѣйствій, и совѣтовалъ имъ общими силами подумать: не изыщется ли какихъ-либо средствъ устроить въ ихъ селѣ хоть небольшой молитвенный домъ? Всѣ обрадовались этой мысли, но, какъ легко было предвидѣть, совершенно не знали, гдѣ взять денегъ на покрытие расходовъ, необходимыхъ при постройкѣ даже и небольшого молитвеннаго дома. Старики однакожь дали обѣщаніе обдумать предложенную имъ мысль и, какъ доказали послѣдствія, сдержали свое слово.

1862 годъ начался для миссіи счастливымъ событіемъ. Въ концѣ января съ тяжелою почтою полученъ былъ св. антиминсъ, присланный преосвященнымъ Паресніемъ для походной церкви во имя Святителя Иннокентія, 10-марта совершена первая литургія. Преосвященный Паресній между прочимъ увѣдомилъ, что свят. иконы и крестики, о которыхъ просилъ архимандритъ Гурій, поручено одному протоіерею собрать по церквамъ и, по изготовленіи ихъ въ достаточномъ количествѣ, переслать въ Пекинъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ обѣщанныя иконы и крестики дѣйствительно пришли въ значительномъ количествѣ¹⁾. Между тѣмъ и письмо къ директору азіатскаго департамента о нуждахъ церкви не осталось безъ послѣдствій. Въ іюнь мѣсяцѣ Азіатскій департаментъ увѣдомилъ, что «по доведеніи до свѣденія Государыни Императрицы о необходимости имѣть въ миссіи иконы и крестики для раздачи новообращеннымъ христіанамъ, Ея Величеству благоугодно было приказать изготовить на собственное Ея издѣвеніе означенные предметы и отправить въ Пекинъ». Съ сентябрьскою почтою получены

¹⁾ Къ сожалѣнію, вѣсколько иконъ очень пострадали въ дорогѣ, нѣмалая же по большому формату для употребленія въ домахъ неудобны, но большая часть весьма годны въ дѣло, могутъ быть раздаваемы (и раздаются) нуждающимся. На долго ли достанетъ этого запаса, неизвѣстно, но было бы очень нежелательно, еслибъ, нашлась возможность подкрѣпить эти средства.

были въ двухъ ящикахъ: а) 65 иконъ превосходнаго письма на мѣдныхъ доскахъ, б) 200 серебряныхъ вызолоченныхъ крестиковъ и в) 25 финифтяныхъ образковъ, въ серебряной оправѣ подъ позолотою. Даръ, по изящной работѣ и цѣнности, истинно царскій. Иалишине и говорить о томъ, съ какою благодарностію приняла миссія этотъ даръ христіанскаго усердія. Миссіонеры видѣли въ немъ знаменіе Божія благоволенія, залогъ небесной помощи въ дѣлѣ проповѣди слова Божія.

Оглашеніе и крещеніе достаточно приготовленныхъ продолжалось и въ 1862 году, какъ и прежде, хотя не съ прежнимъ успѣхомъ. Это впрочемъ зависѣло отъ того, что въ прежніе годы миссія обращала свою дѣятельность чрезъ албазинцевъ на ихъ некрещенныхъ родственниковъ, сосѣдей, знакомыхъ т. е. дѣйствовала въ средѣ болѣе или мевѣе подготовленной; теперь же перешедши на почву новую, еще нетронутую, миссія встрѣчаетъ больше трудностей и нерѣдко при значительныхъ усиліяхъ достигаетъ результатовъ не столь замѣтныхъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на слѣдующій примѣръ. Домъ графа Энъ съ 1861 года началъ знакомиться съ христіанствомъ. Теперь не только господа, но и вся ихъ прислуга (человѣкъ до 40), все желаютъ принять крещеніе, и уже достаточно къ тому приготовлены. Но у старшихъ недостаетъ духу объявить себя христіанами: боятся, не испортитъ бы служебной карьеры молодого графа. Указъ Богдыхана въ пользу христіанства ихъ не успокаиваетъ. «Наказывать за принятіе христіанства никогда не стануть», обыкновенно говоритъ первая жена покойнаго графа, но весьма легко найти другой предлогъ, такъ что и вы (т. е. русское посольство) защититъ насъ не сможете». Нынѣшнимъ лѣтомъ, однакожь, Господь помогъ окрестить одну женщину изъ этого дома, именно: вторую жену умершаго графа. Во время самой сильной холеры эта дама прислала сказать, что она желала бы принять крещеніе, но безъ огласки; поэтому просила прислать кого-нибудь изъ женщинъ окрестить ее тайно. Снисходя человѣческой немощи, архимандритъ Гурій послалъ старшую наставницу при женскомъ училищѣ Марію окрестить графиню, внушивъ при томъ обязать ее при первомъ удобномъ случаѣ непременно явиться въ церковь для совершенія муропомазанія. Въ началѣ декабря графъ получилъ

должность смотрителя богдыханскихъ кладбищъ. При отправленіи на мѣсто службы ему необходимо было взять съ собою и свое семейство: потому что его отсутствіе изъ города имѣло продолжиться по крайней мѣрѣ три года; графиня, въ св. крещеніи нареченная *Марія*, успѣшила исполнить свое обѣщаніе, но явилась въ подворье уже не одна; съ нею пріѣхала и ея тетка, которая тогда же крещена и наречена *Анною*. Такимъ образомъ въ два года томительныхъ хлопотъ—и только двѣ души! И за то благодареніе Господу. Бываютъ хлопоты и томительные, но совершенно безуспѣшные.

Въ началѣ марта, на третьей недѣлѣ великаго поста (1862 г.), іеромонахъ Исаія отправился въ деревню Дунъ-динъ, взявъ съ собою все необходимое для совершенія великопостной службы и божественной литургіи. Цѣль этой поѣздки была, собственно, доставить случай отговѣть тѣмъ изъ нашихъ христіанъ, кои по своимъ обстоятельствамъ не могутъ прибыть въ подворье, кетати окрестить приготовленныхъ къ крещенію и вообще посмотреть, какъ идутъ тамъ дѣла. У поселянъ возникла размолвка, будто бы изъ за денегъ, данныхъ крестьянину Владиміру на расходы по училищу. Надо было разузнать объ этомъ и сдѣлать приличное распоряженіе безотлагательно. Прибывъ на мѣсто, іеромонахъ Исаія нашелъ, что слухи до нѣкоторой степени справедливы, но дѣло не до такой степени важно, чтобъ можно было опасаться серьезнаго раздора. виноватые были обличены и дѣло улажено къ общему удовольствію.

Въ это посѣщеніе окрещено только *четыре* человекъ. Но для упроченія православной вѣры въ этой деревнѣ сдѣланъ большой шагъ впередъ. Напомнивъ крестьянамъ настоятельную надобность въ устройствѣ молитвеннаго дома, въ которомъ съ большимъ приличіемъ и удобствомъ можно было бы совершать для нихъ всѣ церковныя службы и особенно таинства, іеромонахъ Исаія сумѣлъ укрѣпить крестьянъ въ рѣшимости на это доброе дѣло. Старикъ Вонифатій отдалъ свое поле подъ предполагаемый молитвенный домъ; иные дали по силамъ своимъ денегъ; другіе обѣщали лошадей съ упряжью и работникомъ на время постройки, а совершенно бѣдные предложили свой личный трудъ при постройкѣ. Большаго отъ этихъ людей и желать невозможно. «Если Господь благословитъ устроить этотъ домъ, то не только

службы наши тамъ будутъ совершаться съ большимъ приличіемъ, но, что особенно важно, молитвенный домъ этотъ будетъ золотомъ Божія благословенія и надежною опорою для дальнѣйшихъ дѣйствій въ обращеніи ко Христу остальнаго населенія». Когда, по возвращеніи въ подворье, іеромонахъ Исаія донесъ о согласіи крестьянъ на постройку часовни, объ ихъ пожертвованіяхъ, равно и о томъ, что, по примѣрному расчету, постройка молитвеннаго дома (съ небольшою при немъ, подъ особою крышею пристройкою для священника, на время его пріѣзда) обойдется рублей въ 500 серебромъ, то миссія обратилась къ своей-русской семьѣ и въ ней искала благотворителей. Въ Пекинѣ случились на то время нѣкоторые кяхтинскіе купцы. Миссія пригласила ихъ къ участию. Они съ удовольствіемъ сдѣлали пожертвованія на это дѣло. Кромѣ того министръ-резидентъ Л. Ф. Баллюзекъ, прислалъ 253 рубля, полученные имъ изъ Иркутска, въ пользу православныхъ христіанъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ постепенно набралось, считая и матеріалы, всего около 1500 руб. Кладка стѣнъ, начатая 5 апрѣля, закончена въ двѣ недѣли. Собственно зданіе церкви въ планѣ имѣло 2 сажени ширины и пять сажени длины и представляло обыкновенную форму китайскаго дома, осяненнаго крестомъ. Надъ входной дверью былъ вѣланъ камень съ вырѣзанной на немъ надписью: «Чунъ-бай Тянь-Чжу шэнъ-со» что означаетъ «Священное мѣсто поклоненія Богу». Стѣны и потолокъ были оклеены обоями, окна, двери и прочее окрашены масляной краскою. Въ то время какъ строилась ограда, сторожка и колокольня на деревянныхъ столбахъ, убранство церкви было закончено. Иконостасъ, писанный художникомъ Игоревымъ выкрашенъ бѣлою масляною краскою, мѣстами позолоченъ, а колокольня выкрашена киноварью въ китайскомъ вкусѣ и повѣшено три большихъ колокола. Подъ 14-ое іюля совершено торжественное богослуженіе и на другой день освященіе храма въ честь святаго Иркутскаго Иннокентія и отслужена первая литургія.»

Изъ этого очерка дѣятельности миссії видно, что по мѣрѣ своихъ силъ она старалась о распространеніи христіанства среди язычниковъ и въ три года при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ успѣла однако же окрестить двѣсти человѣкъ. Донося о семь Свядоду, о. Гурій предлагалъ и слѣдующія мѣры къ упроченію

дѣла проповѣди и участія въ немъ св. Синода: 1) выбирать людей, обладающихъ призваніемъ къ миссіонерскому дѣлу, 2) на одного изъ нихъ возложить исполненіе обязанностей приходскаго священника, 3) усилить переводы книгъ св. писанія, 4) печатать эти переводы, 5) трудовая жизнь миссіонеровъ, 6) инструкція имъ, 7) духовенство изъ китайцевъ, 8) училище для мальчиковъ, 9) для дѣвочекъ училище уже открыто и функціонируетъ съ 1 октября 1859 г., 10) нужно дать медицинскую помощь приходящимъ китайцамъ и имѣть больницу хотя на шесть кроватей, 11) начальникъ миссіи долженъ быть въ санѣ епископа, чтобы во всякое время посвящать достойныхъ въ священный санъ, наконецъ, 12) для расширенія средствъ миссіи покупать земли и недвижимости съ цѣлю эксплуатаціи ихъ. По предмету этого доклада Синодъ предписалъ поставить въ извѣстность начальника новой миссіи.

Въ январѣ 1864 г. о. Гурій доносилъ въ министерство, что, хотя все члены миссіи здоровы, но не могутъ серьезно работать, такъ истомились ожиданіемъ отъѣзда въ Россію. Въ юніѣ того же года о. Гурій просилъ разрѣшенія хотя выѣхать на время—въ отпускъ. Но въ то время (отъ 24-29 іюня) св. Синодъ уже постановилъ отозвать членовъ старой миссіи и назначилъ начальникомъ новой архимандрита Палладія.

Къ этому же времени (5 августа) относится Высочайшее пожалованіе двухъ тысячъ рѣблей на женскую школу въ Пекинѣ, которые и переданы новому начальнику миссіи.

При обсужденіи вопроса о возвратѣ старой миссіи надо было рѣшить, кого изъ миссіонеровъ оставить въ Пекинѣ. Еще въ февралѣ 1862 г. албазинцы ходатайствовали, чтобы при смѣнѣ миссіи былъ кто-либо оставленъ для продолженія переводовъ священныхъ книгъ и для исполненія пастырскихъ требъ. Въ мартѣ того же года учительницы женской школы просили объ оставленіи о. Гурія. Министерство отвѣтило, что теперь каждый разъ при смѣнѣ миссіи будетъ оставаться кто-либо изъ миссіонеровъ, а способнѣйшихъ даже желательно будетъ оставить навсегда въ Китаѣ. Такимъ способнѣйшимъ являлся по общему мнѣнію іеромонахъ Исаія. Онъ и соглашался остаться, только просился съѣздить на родину для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. Замянять его временно оставленъ

былъ іеромонахъ Антоній, которому посланникъ г. Влангали поручалъ продолжать наблюденіе за нѣкоторыми постройками.

По возвращеніи миссіи въ Петербургъ и сдачѣ отчетности, членамъ миссіи пожалованы пенсіи и награды. Архимандриту Гурію пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-ей степени и пожизненная пенсія въ 1500 руб. Іеромонахамъ: Исаи, Александру и Антонію¹⁾ пенсіи въ 500 руб. каждому и орденъ св. Анны 2-ой степени. Въ то же время о. Гурій Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленъ на должность настоятеля московскаго ставропигіального Симонова монастыря, а черезъ четыре мѣсяца (26 января 1866 г.) назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Римѣ. Въ томъ же году 11 мая Высочайше повелѣно быть ему епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанской епархіи, и хиротонія во епископа совершена 5 іюня въ Александро-Невской лаврѣ. За болѣзнію архіепископа Афанасія, онъ управлялъ одинъ мѣсяць Казанской епархіей. Его трудами открыто Братство свят. Гурія въ Казани. Въ слѣдующемъ году переведенъ на самостоятельную кафедру епископа Симферопольскаго. Въ 1869 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1-ой степени, а въ 1874 г. орденомъ св. Владиміра 2-ой степени. Таврической епархіей владыка Гурій управлялъ пятнадцать лѣтъ до самой кончины, послѣдовавшей 17 марта 1882 г., и оставилъ по себѣ слѣдъ талантливаго администратора и дѣятельнаго миссіонера. Его магистерская диссертация «О богоучрежденной іерархіи» въ Церкви направлена противъ заблужденія реформатовъ. Въ 1875 г. преосвященнымъ Гуріемъ напечатано «Ислѣдованіе о молоканахъ Донецкаго полка», въ 1877 г. издано обширное изслѣдованіе «О скопческомъ ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ». Личнымъ участіемъ своимъ въ практической дѣятельности миссіонеровъ архіепископъ Гурій окрылялъ энергію рядовыхъ миссіонеровъ, группируя ихъ вокругъ себя, руководя ими, настойчиво направляя ихъ къ активной дѣятельности. И по нынѣ могила преосвященнаго Гурія въ Симферопольскомъ соборѣ много говоритъ сердцу его бывшихъ соратниковъ, приученныхъ имъ твердо стоять на стражѣ православія и долга.

¹⁾ Іеромонахъ Антоній въ санѣ архимандрита впоследствии былъ намѣстникомъ Александро-Невской Лавры.